

Анатомия безнаказанности

*НЕРАСКРЫТЫЕ УБИЙСТВА
ЖУРНАЛИСТОВ В РОССИИ*

*СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДОКЛАД КОМИТЕТА ПО ЗАЩИТЕ ЖУРНАЛИСТОВ
ОПУБЛИКОВАН В СЕНТЯБРЕ 2009 г.*

Комитет по защите журналистов был создан в 1981 г. для борьбы с нападениями на прессу в различных странах мира. Каждый год КЗЖ документирует сотни таких нападений и принимает ответные меры от имени журналистов и новостных организаций, независимо от политической идеологии. В интересах сохранения независимости КЗЖ не принимает государственное финансирование. Деятельность КЗЖ осуществляется исключительно на средства, поступающие от частных лиц, фондов и корпораций.

Анатомия безнаказанности: Нераскрытые убийства журналистов в России

Старший редактор: Билл Суини

Заместитель редактора: Лорен Вольф

Дизайнер: Джастин Голдберг

Редактор: Лу Сервисс

Корректоры: Катрин Фитцпатрик и Ольга Тарасова

Фотографии на обложке: По часовой стрелке с верхнего левого угла: место убийства Пола Хлебникова (Ассошиэйтед Пресс); женщина с плакатом, на котором написано "Не молчи!" (КЗЖ); Питер Хлебников с портретом брата Пола (Ассошиэйтед Пресс); обвиняемые в убийстве Анны Политковской (Ассошиэйтед Пресс); специальное издание Новой газеты, посвященное Игорю Домникову (Новая газета); премьер-министр Владимир Путин и президент Дмитрий Медведев (Рейтер). Задняя обложка: демонстрация после убийства Политковской (Ассошиэйтед Пресс).

© 2009 Комитет по защите журналистов, Нью-Йорк
Все права защищены.

ПОЧЕТНЫЙ СОПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Уолтер Кронкайт (1916—2009)

Терри Эндерсон

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Пол Стайгер

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

Джоэль Саймон

ДИРЕКТОРА

Эндрю Александер

Франц Аллина

Кристиан Аманпур

Дин Бэки

Катлин Кэрролл

Раджив Чандрасекаран

Шейла Коронел

Джош Фридман

Энн Гаррельс

Джеймс Гуддейл

Шерил Гулд

Шарлейн Хантер-Голт

Гвен Айфил

Джейн Креймер

Дэвид Лавентоль

Лара Логан

Дэвид Мараш

Кати Мартон

Майкл Мэссинг

Джеральдин Фабрикант Метц

Виктор Наваски

Андрес Оппенгеймер

Берл Озборн

Кларенс Пейдж

Норман Пэрлстайн

Дэн Разер

Джин Робертс

Сандра Мимз Роу

Дайан Соьер

Дэвид Шлесинджер

Пол Тэш

Марк Уитакер

Брайан Уильямс

Мэттью Уинклер

КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Том Брокау

Стивен Айзенберг

Энтони Люис

Чарльз Оверби

Эрвин Поттс

Джон Зайгенталер

Информация для данного доклада была собрана и задокументирована координатором европейской и центрально-азиатской программы КЗЖ **Ниной Огняновой**, с участием научного сотрудника КЗЖ **Музаффара Сулейманова**, и **Алекса Люписа**, координатора европейской и центрально-азиатской программы КЗЖ в 2000 - 2006 г. Доклад составлен по результатам четырех поездок КЗЖ в Россию и подробных бесед с журналистами, аналитиками и должностными лицами. Информацию в России собрали и предоставили журналисты **Александр Мнацаканян** и **Ирада Гусейнова**. Оригинал доклада был написан на английском языке.

По данным КЗЖ, Россия стабильно занимает одно из первых мест в списке самых опасных для прессы стран мира, и одно из последних мест по раскрываемости преступлений совершаемых в отношении прессы. Делегации КЗЖ встречались с российскими должностными лицами для обсуждения серьезнейшей проблемы безнаказанности лиц, нападающих на работников прессы. В данном докладе рассматриваются обстоятельства гибели 17 журналистов в России с 2000 г., выявляются пороки следственной системы и предлагаются пути решения проблемы. Лишь в одном из этих 17 случаев убийцам был вынесен обвинительный приговор.

КЗЖ приносит благодарность ряду авторов за их материалы. Дополнение к главе 2, "Дорожная карта для международного сообщества", написал бельгийский журналист **Жан-Поль Мартоз**. Дополнение к главе 3, "В защиту судов присяжных", написал **Леонид Никитинский**, Президент Гильдии судебных репортеров России.

Автор дополнения к главе 5, "Когда все 'совершенно секретно'", - **Андрей Солдатов**, ведущий специалист по российским службам безопасности. Московский аналитик **Мария Липман** написала дополнение к главе 6, "Равнодушные общества пагубно для прессы". Дополнение к главе 8, "Правосудию нет места", написано бывшим исполнительным директором КЗЖ **Энн Купер**. Каждый материал сопровождается информацией об авторе.

С помощью ряда лиц нам удалось получить отрывки из работ убитых журналистов, которые помещены в приложении к данному докладу. Консультант КЗЖ **Екатерина Лысова** подготовила эти отрывки и перевела многие из них для данного доклада. Они публикуются с любезного разрешения следующих изданий: *Forbes*, *Новая газета*, *Johnson's Russia List*, *Новый Петм*, *Коммерсантъ*, *Наше время*, *Молодой коммунар*, *Тольяттинское обозрение*, *Ингушетия* и *Город*.

КЗЖ выражает признательность за бесценную информацию, собранную Центром экстремальной журналистики, которым руководит **Олег Панфилов**, и Фондом защиты гласности во главе с **Алексеем Симоновым**. Сотрудники этих московских групп по защите прессы неустанно документируют случаи нарушения прав журналистов и встают на их защиту. Адвокаты-правозащитники **Карен Нерсисян** и **Каринна Москаленко** предоставили КЗЖ необходимые разъяснения по юридическим вопросам. Кроме того, мы опирались на данные подробнейшего исследования, проведенного писателем **Терри Гулдом**, чья вышедшая в 2009 г. книга *Marked for Death (Обреченные на смерть)* описывает убийства российских журналистов.

Мы глубоко благодарны издателям и репортерам *Новой газеты* за время и незаменимый опыт, которыми они щедро поделились с нами. Сотрудники этой газеты провели исчерпывающее расследование обстоятельств гибели четырех своих коллег и других убитых российских журналистов.

КЗЖ приносит особую благодарность родным и коллегам 17 убитых журналистов. Они не жалели своего времени для нас; их вклад невозможно переоценить. ■

Предисловие Кати Мартон	6
1. Резюме	9
2. Хронология безнаказанности: семнадцать смертей	12
Скрытность, безразличие, конфликты – основные препятствия расследований обстоятельств смерти журналистов. Москва обязана обеспечить верховенство закона. Обязательства ложатся и на ее международных партнеров.	
Дорожная карта для международного сообщества	13
3. Громкие убийства, безуспешное расследование: два развалившихся дела	20
Известные далеко за пределами страны журналисты Пол Хлебников и Анна Политковская погибли от рук наемных убийц в Москве с промежутком в два года. Несмотря на обещания, аресты и суды, осужденных по этим делам до сих пор нет.	
В защиту судов присяжных	21
4. Местные журналисты под угрозой: глубокое воздействие, серьезная опасность	28
Предприимчивые молодые репортеры, освещающие опасную местную проблематику, часто оказываются в изоляции и не защищены от мести сильных мира сего. Журналистика Эдуарда Маркевича и Павла Макеева стоила им жизни.	
5. Отсутствие криминала: подозрительные смерти остаются нерасследованными	32
Юрий Щекочихин и Иван Сафронов - два энергичных журналиста, специалисты в своих областях, объективные репортеры. Подозрительные обстоятельства, при которых они погибли, до сих пор не расследованы полностью.	
Когда все 'совершенно секретно'	35
6. Следователи под следствием: когда под подозрением милиция	39
Может ли президент Медведев положить конец нападениям на прессу, не справившись с коррупцией в правоохранительных органах? Убийства Максима Максимова и Магомеда Евлоева показывают насколько переплетены эти проблемы.	
Равнодушие общества пагубно для прессы	40
7. Ограбления: следствие отмечает профессиональную деятельность	44
Убийства поспешно классифицируются следствием как преступления на бытовой почве, а связь с профессиональной деятельностью жертв не рассматривается. Дела Натальи Скрыль и Вагифа Кочеткова были неверно классифицированы, а затем провалены.	
По их словам	45

8. Тольяттинские убийства: 'Всех нас они не убьют'	50
Два бесстрашных редактора, обличители преступности, будоражившие столицу российского автомобилестроения, Валерий Иванов и Алексей Сидоров, были друзьями и коллегами. Между их убийствами прошло 18 месяцев.	
Правосудию нет места	51
9. Гибельный Кавказ: освещение с риском для жизни	56
Журналистов, освещающих Чечню и соседние с ней республики Дагестан и Ингушетию, заставляют замолчать при помощи пули. Непрозрачные расследования убийств Владимира Яцины, Магомедзагида Варисова, Тельмана Алишаева и Анастасии Бабуровой вызывают сомнение.	
'Кому нужна твоя правда?'	59
10. (Ограниченный) успех: вынесены знаменательные приговоры	62
Обвинительные приговоры по делу об убийстве Игоря Домникова доказывают, что при наличии упорства можно добиться правосудия. Однако по словам критиков это расследование, при всех успехах следствия, далеко еще не завершено.	
Мера правосудия	64
11. Рекомендации	67
Приложение I: Отрывки из работ журналистов, убитых в России с 2000 г.	70
Пол Хлебников: "'Золотая сотня': богатейшие бизнесмены России 2004 года"	
Анна Политковская: "Назначаем тебя террористом: антитеррористическая политика пыток на Северном Кавказе"	
Эдуард Маркевич: "Экспансия"	
Юрий Щекочихин: "Дело о 'Трех китах': судье угрожают, прокурора изолировали, свидетеля убили"	
Иван Сафронов: "'Булава' с плеч"	
Максим Максимов: "Бьют своих и чужих не боятся"	
Магомед Евлоев: "О ситуации в Республике Ингушетия"	
Наталья Скрыль: "Очередное внеочередное"	
Вагиф Кочетков: "'Протек': благодетель, которого нам навязали"	
Валерий Иванов: "Как это было"	
Алексей Сидоров: "Черное золото бандитов и чиновников"	
Игорь Домников: "Липецк очнулся: весь в экономическом чуде"	
Приложение II: Ключевые статистические данные	84
Наиболее опасные для журналистов страны с 1992 г.	
Наиболее опасные для журналистов страны с 2000 г.	
Индекс безнаказанности КЗЖ	

ПРЕДИСЛОВИЕ

КАТИ МАРТОН

Печальная ирония: в то время как весь мир отмечает 20-ю годовщину падения Берлинской стены, сама Россия частично возвращается на свои советские пути. По крайней мере, для журналистов в сегодняшней России работать опаснее, чем во времена холодной войны.

Впереди России в списке наиболее опасных для работников прессы стран – только Ирак и Алжир. С 2000 г. в России от рук убийц погибли семнадцать журналистов, и лишь в одном случае преступников привлекли к ответу. Печальная статистика для великого и могучего государства, вставшего на путь демократизации после 70 с лишним лет безжалостных репрессий.

Именно поэтому Комитет по защите журналистов подготовил этот беспрецедентный аналитический доклад с призывом к международному сообществу о необходимости остановить этот рост беззакония. Наша миссия – защищать журналистов, но в России нам это удается все хуже. И хотя мы продолжаем взывать к российским властям, требуя правосудия в отношении убийц наших коллег, ограничиваться призывами мы больше не можем. В данном отчете мы не просто выражаем негодование. Мы предлагаем конкретные меры и приводим неопровержимые факты, добываясь повторного расследования этих нераскрытых убийств.

Будем говорить начистоту. Если государство смотрит сквозь пальцы (это в лучшем случае) на убийства журналистов, оно теряет право называться демократическим. Если под угрозой оказались журналисты,

демократия тоже в опасности. Свобода средств массовой информации является такой же опорой здорового общества, как законность, независимая судебная система и автономное гражданское общество. Если убрать один из этих столпов, вся система может рухнуть.

Два с половиной столетия назад, когда демократия в Америке только зарождалась, один из ее поборников, Патрик Генри, сказал: "Свободы граждан никогда не были и не будут защищены, если действия их властителей могут быть сокрыты от них."

В сегодняшней России действия правителей все чаще оказываются скрытыми от тех, кем они правят. Вызывает беспокойство то обстоятельство, что на гибель настойчивых и бесстрашных правдолюбцев от пуля наемных убийц россияне реагируют коллективным пожатием плеч. Причина такой апатии очевидна. Подавляющее большинство

Вверху, слева направо по часовой стрелке: Юрий Щекочихин, Вагиф Кочетков, Эдуард Маркевич, Анна Политковская (Новая газета), Максим Максимов, Иван Сафронов (Коммерсантъ), Игорь Домников (Новая газета), Тельман Алишаев, и Владимир Яцина. За исключением обозначенных, фотографии журналистов предоставлены Центром экстремальной журналистики.

россиян получает лишь препарированные государством новости, и по этой причине гневных голосов по поводу этих убийств почти не слышно. Кто же будет требовать ответа от российских властей, если тех, кто бесстрашно говорит правду, списывают в расход?

Во времена холодной войны существовали общепринятые правила, и журналисты знали, какие границы нельзя переступить и каких тем следует сторониться. Сегодня все по-другому. Семнадцать журналистов, убитых в течение последних лет, освещали широкую тематику: организованную преступность, коррупцию в корпоративных кругах, взяточничество среди государственных чиновников, беспорядки на Северном Кавказе (поскольку, несмотря на объявленное окончание войны в Чечне, на деле кровопролитие просто переместилось в соседние республики). Каждое из этих убийств сопровождалось пародией на правосудие. Как правило, власти без промедления подменяли реальные мотивы преступления ограблением или личной неприязнью. В менее трагических обстоятельствах реакция властей могла бы вызывать смех.

В Тольятти, российском Детройте, следственные органы пришли к выводу, что Алексей Сидоров, редактор газеты *Тольяттинское обозрение*, был убит в ходе случайной уличной потасовки. По официальной версии Сидорова зарезал ножом неизвестный после того, как журналист якобы отказался дать ему водки. Следователи почти не интересовались записями убитого журналиста, его компьютером и магнитофонными записями. И в этом случае, и во многих других милиция фактически не допрашивала свидетелей. Следователи лишь изредка приходили в органы СМИ, в которых работали убитые журналисты. Эти преступления списываются на "хулиганов", и расследование внезапно тормозится. Заказчики убийств могут спать спокойно. Та же самая завеса секретности, которая окутывала

КГБ, теперь скрывает от глаз его преемницу – Федеральную службу безопасности.

Безусловно, во времена холодной войны правдой нас не баловали, и те, кто упорно оспаривал официальную версию событий, нередко отправлялись за решетку. Мои родители, Эндре и Илона Мартон, последние независимые журналисты по ту сторону "железного занавеса", были осуждены по сфабрикованному обвинению в работе на ЦРУ только за то, что они, являясь репортерами американского телеграфного агентства в Будапеште, выполняли свои служебные обязанности. В то время КЗЖ еще не существовал и не мог заступиться за моих родителей, назвать по именам и заклеить их тюремщиков и оказать такое же мощное и результативное давление на власти, как недавно в случае Роксаны Сабери в Иране. Как и в случае Роксаны, долгие тюремные сроки моих родителей были сокращены, и в 1956 г. после лавины статей в *Нью-Йорк Таймс* их освободили.

"Если государство смотрит сквозь пальцы (это в лучшем случае) на убийства журналистов, оно теряет право называться демократическим."

Немногие журналисты сильнее поплатились за храбрость больше, чем сотрудники *Новой газеты*, одного из самых живых и независимых органов СМИ, еще действующих на российской медиа-арене. Подумайте, каково это – каждый день по дороге на рабочее место проходить мимо огромных фотографий троих лучших репортеров вашей газеты - Игоря Домникова, Юрия Щекочихина и Анны Политковской, погибших насильственной смертью. В 2007 г. мы наградили редактора *Новой газеты* Дмитрия Муратова нашей Международной премией за свободу прессы. Ради блага россиян международная общественность

не должна ограничивать свои действия бесконечной хвалой убитым репортерам.

На церемонии вступления в должность президента России в 2008 г. Дмитрий Медведев заявил, что в течение его президентского срока охрана прав и свобод человека будет определять "смысл и содержание всей государственной деятельности." Месяц спустя, в Берлине, он пообещал, что "случаи, связанные с преступными посягательствами на жизнь и здоровье журналистов в нашей стране, будут расследованы и доведены до самого конца независимо от сроков, когда произошло соответствующее преступление."

КЗЖ будет и дальше напоминать ему об этом обещании, как и о том, что великая страна, по праву претендующая на ведущую роль на мировой арене, должна поддерживать правопорядок для всех своих граждан. Лидеры стран мира, в том числе США и европейских государств, должны убедить в этом Россию.

Три года тому назад, на панихиде по Анне Политковской, храбрейшей из храбрых, я обещала, что КЗЖ не забудет об Анне, о том, за что она боролась и за что отдала жизнь. И мы сдержали слово. Однако убийство Анны до сих пор не раскрыто. В феврале этого года суд оправдал троих обвиняемых по ее делу. Действительно, предъявленные на суде доказательства их вины были недостаточными. Государство и на

этот раз решило не трогать заказчиков преступления. В сеть попала лишь мелкая рыбешка.

А пока КЗЖ добивался возобновления расследования, на московской улице застрелили еще одну коллегу Анны по *Новой газете*. Убийство 25-летней Анастасии Бабуровой стало последней каплей для репортеров *Новой газеты*. Руководство газеты обратилось к властям с просьбой позволить ее сотрудникам носить оружие для самозащиты при выполнении служебных обязанностей, что явилось еще одним пятном на репутации державы, которую все ожидали увидеть гораздо более демократичной в 20-ю годовщину падения Берлинской стены. ■

Кати Мартон – член совета директоров Комитета по защите журналистов. Ее седьмая книга, "Враги народа — путешествие моей семьи в Америку", представляющая собой воспоминания о холодной войне, выйдет в издательстве *Simon and Schuster* в октябре 2009 г.

Слева направо по часовой стрелке: Пол Хлебников (Ассошиэйтед Пресс), Наталья Скрыль, Магомед Евлоев, Павел Макеев, Магомедзагид Варисов, Анастасия Бабурова (Новая газета), Алексей Сидоров, и Валерий Иванов. За исключением обозначенных, фотографии журналистов предоставлены Центром экстремальной журналистики.

По данным КЗЖ, начиная с 2000 года 17 журналистов были убиты в отместку за свою профессиональную деятельность. И только в одном из 17 дел убийцы журналиста были осуждены. Сбои в системе правосудия привели к созданию обстановки безнаказанности в нападениях на прессу.

Данный отчет, подготовленный Комитетом по защите журналистов, посвящен вызывающей беспокойство многолетней проблеме убийств критически настроенных журналистов в России и неспособности государства привлечь их убийц к ответу. Проведенный КЗЖ анализ выявил пороки в системе, которые должны быть устранены для предотвращения дальнейшей эрозии свободы слова и верховенства закона в России. На карту поставлены жизненные интересы страны и международной общественности.

Статистика безнаказанности

С 2000 г. в отместку за свою служебную деятельность были убиты семнадцать журналистов. Среди жертв – российские представители самых различных медиа-профессий: редакторы, репортеры, фотографы, обозреватели, а также один издатель. Одни из них пользовались известностью в российских и международных кругах, другие были местными репортерами и освещали важную для своих читателей тематику. Их объединяло одно: все они публиковали критические материалы, угрожавшие влиятельным лицам в правительстве, бизнесе, правоохранительных органах или организованных преступных группировках.

Только в одном случае суд признал убийц виновными. По сведениям КЗЖ, Россия занимает третье место в мире по числу убийств журналистов и девятое по числу нераскрытых убийств журналистов. На протяжении последних двух десятилетий

работа журналиста в России была неизменно сопряжена с опасностью; КЗЖ рассматривает период 2000-2009 гг., потому что именно этот период охватывает деятельность нынешнего руководства страны.

Такая рекордная безнаказанность убийц журналистов резко контрастирует с официальной статистикой раскрытия убийств в целом по России. По словам Александра Бастрыкина, главы Следственного комитета при Генеральной прокуратуре РФ и одного из высших руководителей правоохранительной системы страны, в последние годы раскрывается подавляющее большинство убийств.

Когда данный доклад готовился к печати, от рук убийц погибли еще три журналиста. Правозащитница и журналист Наталья Эстемирова была похищена в Чечне и убитая в соседней Ингушетии, редактор двух местных газет Абдулмалик Ахмедиллов был застрелен в Дагестане, а редактор ростовской газеты *Коррупция и преступность* Вячеслав Ярошенко скончился в результате нападения. В настоящее время КЗЖ занимается изучением обстоятельств этих преступлений.

Недостатки на всех уровнях

Неспособность добиться правосудия отражает недостатки на всех уровнях: политическом, следственном, прокурорском и судебном.

Кремль задал политический тон, подвергнув маргинализации критически настроенных журналистов, фактически лишив их возможности работать на государственных телеканалах и препятствуя их деятельности

посредством введения политизированных правил, инструкций, и бюрократических рогаток. Журналистов, занимающихся расследованиями (и зачастую имеющих доступ к ограниченной аудитории), мало ценят, они подвергаются изоляции и не защищены от нападений.

Анализ КЗЖ свидетельствует о том, что расследования убийств неизменно ведутся в обстановке секретности, нередко осложняются конфликтами интересов и зачастую испытывают ненадлежащее воздействие внешних политических сил. Из раза в раз КЗЖ сталкивается с тем, что следователи не отработывают версий, связанных с профессиональной деятельностью жертв, не изучают их материалов и не допрашивают людей, с которыми они были связаны по работе. Время от времени без каких-либо объяснений утаиваются важные улики.

В ряде случаев прокуроры выступали в суде со слабой доказательной базой, и как минимум в одном случае невиновному лицу были предъявлены сфабрикованные обвинения. Судьи принимали сомнительные или же неаргументированные решения, такие как закрытие процесса для публики и прессы и необеспечение безопасности присяжных. Власти всех уровней не предоставляли семьям жертв сколько-нибудь содержательной информации о ходе расследований. Туманность системы негативно сказывается на ответственности государственных чиновников, способствует манипулированию исполнением правосудия, и подрывает доверие общества.

Убедительные доводы в пользу перемен

Эта ситуация привела к возникновению самоцензуры в российской прессе, и соответственно к недостаточному освещению или полному игнорированию жизненно важных вопросов. Существует фундаментальная опасность исчезновения журналистских расследований в одной из наиболее

влиятельных стран мира. Если Россия намерена развиваться в демократическом направлении, она не может допустить, чтобы властные структуры были недоступны для журналистских расследований.

По результатам этих 17 дел станет ясно, действительно ли Россия готова обеспечить верховенство закона для всех своих граждан, включая даже наиболее резких критиков Кремля. Конституция Российской Федерации гарантирует право на жизнь и право на свободный обмен мнениями и обязывает государство защищать эти права.

По словам президента Дмитрия Медведева, он твердо намерен искоренить коррупцию, утвердить верховенство закона и добиться расследования нераскрытых убийств журналистов. Премьер-министр Владимир Путин также говорит, что нападения на журналистов должны расследоваться. Эти заверения важны, однако они представляют собой лишь первый шаг в трудном процессе, который потребует твердой и постоянной политической воли.

Это не только внутренняя российская проблема. Международное сообщество глубоко заинтересовано в том, чтобы основные права человека на жизнь и свободу выражения не нарушались в России. И когда могучая держава, влиятельный член многочисленных международных организаций, не обеспечивает защиты основных прав человека, эти права подвергаются эрозии и в других странах.

Путь к правосудию

Безнаказанности можно положить конец, пойдя на фундаментальные меры. В первую очередь необходимо изменить политический тон, заданный Кремлем. Президент Медведев и премьер-министр Путин должны ясно, открыто и недвусмысленно осудить любые нападения на журналистов. Они должны

добиться прекращения маргинализации и криминализации критической журналистики и требовать от руководства правоохранительных органов конкретных действий по расследованию нападений на журналистов.

Генеральный прокурор Юрий Чайка и председатель Следственного комитета Бастрыкин должны распорядиться о проведении тщательного повторного расследования всех этих 17 дел. Нужно проверить неотработанные версии, найти и задержать людей, объявленных в розыск по этим делам, внимательно рассмотреть возможную связь убийств с профессиональной деятельностью журналистов. При наличии конфликта интересов дела должны передаваться другим следователям. Следователи и прокуроры должны регулярно предоставлять семьям

жертв ясную и четкую информацию. В условиях российской централизованной правоохранительной системы Чайка и Бастрыкин могут и должны требовать у своих подчиненных на местах отчета в действиях.

Международное сообщество должно требовать от российских руководителей предоставления отчета в том, что ими сделано для решения данной проблемы. Мировые лидеры имеют возможность внимательно следить за ситуацией, добиваться перемен при помощи политического убеждения, и принять конкретные меры для решения проблемы при помощи международных институтов права.

Для того, чтобы покончить с безнаказанностью, потребуются все вышеуказанные действия, и все эти действия возможны. ■

2 ХРОНОЛОГИЯ БЕЗНАКАЗАННОСТИ: семнадцать смертей

Скрытность, безразличие, конфликты – основные препятствия расследований обстоятельств смерти журналистов. Москва обязана обеспечить власть закона. Обязательства ложатся и на ее международных партнеров.

На церемонии вступления в должность президента России 7 мая 2008 г. Дмитрий Медведев обещал сделать "всё, чтобы безопасность граждан была не только гарантирована законом, но и реально обеспечена государством". Укрепление правопорядка, сказал он, будет его приоритетной задачей на посту президента. С тех пор президент неоднократно заявлял о своей решимости добиться расследования нападений на работников одного из самых уязвимых сегментов российского общества – его журналистов. Заявления Медведева вторили обещанию его предшественника, а ныне премьер-министра Владимира Путина, который в феврале 2007 г. сообщил репортерам в Круглом зале Кремля, что "проблема преследования журналистов является одной из наиболее острых". И добавил: "Будем делать все для того, чтобы защитить журналистский корпус".

Обещания, исходящие от высшего руководства страны, имеют определенную значимость, в особенности с учетом российской централизованной правоохранительной системы. Однако эти обещания еще надо исполнить.

Факты говорят сами за себя: с 2000 г. в России в отместку за свою служебную деятельность были убиты 17 журналистов. Лишь в одном убийстве суд признал преступников виновными, но даже в этом случае заказчики преступления остались на свободе. (Еще трое журналистов погибли в ходе перестрелки при освещении конфликтных ситуаций этого десятилетия.) По данным КЗЖ, Россия является одной из наиболее опасных для жизни журналиста стран мира и занимает

одно из последних мест по раскрываемости преступлений, совершенных в отношении сотрудников СМИ.

С тех пор, как Советский Союз перестал существовать, журналисты работают в условиях постоянной опасности: по данным КЗЖ Россия занимает третье место в мире по числу убийств журналистов не только в последнем десятилетии, но с самого момента образования Российской Федерации. Однако те же данные свидетельствуют, что число целенаправленных убийств репортеров за последние десять лет возросло, даже когда Кремль централизовал власть и ограничил влияние независимой журналистики. Настоящий отчет охватывает период с 2000 по 2009 г., соответствующий времени деятельности нынешнего руководства страны.

Безнаказанность, которой неизменно пользуются убийцы журналистов, резко контрастирует с официальной статистикой раскрытия убийств в целом по России. Как сообщил в интервью, опубликованном в мае 2009 г. в *Новой газете*, один из высших чинов российской правоохранительной системы Александр Бастрыкин, в последние годы органы раскрывают подавляющее большинство убийств, вплоть до 80 процентов.

Расследование, проведенное КЗЖ по материалам интервью с десятками источников, с обработкой сотен страниц документов и сообщений в прессе выявило пороки в системе, препятствующие отправлению правосудия в делах об убийстве журналистов.

ДОРОЖНАЯ КАРТА ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

Борьба за права человека требует оказания внутреннего и внешнего давления. И если в прошлом казалось, что Россия ему сопротивляется, в действительности ее позиция не столь непоколебима.

Жан-Поль Мартоз

От борьбы против апартеида до мобилизации против латиноамериканских военных режимов в 1980-х годах, кампании за права человека оказывались наиболее эффективными, когда проводились с применением внешнего и внутреннего давления.

Эту формулу нелегко автоматически применять к России. С тех пор, как к власти пришел Владимир Путин, демократическая оппозиция в стране подвергается маргинализации, большинству средств массовой информации зажимают рот, а на деятельность неправительственных организаций налагаются ограничения.

Благодаря своему статусу постоянного члена Совета безопасности Организации Объединенных наций Россия создает коалиции в Совете ООН по правам человека для того, чтобы не допускать серьезных проверок ситуации с правами человека внутри страны и обезопасить себя от международного осуждения. Кроме того, Москва извлекает выгоду из расхождений между позициями различных государств, в особенности европейских. "Война с терроризмом", восстановление российского влияния (в особенности в ее "близком зарубежье") и кремлевская нефтегазовая дипломатия дают западным лидерам достаточно поводов для осторожности в обращении с Россией.

Однако, по мнению известного адвоката-правозащитника Каринны Москаленко, изоляция России не так значительна. "Российские власти знают, что им придется обращать определенное внимание на реакцию международного сообщества".

Россия – член Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, ОБСЕ. Она вступила в Совет Европы, представляющий собой межправительственную организацию, в основе

деятельности которой лежит Европейская конвенция о защите прав человека. Совет подчиняется влиятельному Европейскому суду по правам человека. По словам исполнительного директора бельгийского отделения правозащитной организации Международная Амнистия Филиппа Хенсманса, "тот факт, что Россия связана с Советом Европы, ОБСЕ и Европейским Союзом, открывает возможности для защиты ущемленных прав человека". "Они обеспечивают инструменты и средства для ... тщательной проверки соблюдения Москвой прав человека".

По заключению Синикукки Саари, аналитика Финского института международных дел, проблема "заключается не столько в отсутствии средств, сколько в недостатке желания ими воспользоваться". Ряд европейских институтов неизменно робеют, столкнувшись с сопротивлением Кремля. Как писал в марте корреспондент *Нью-Йорк Таймс* Клиффорд Леви, Кремль, раздраженный решениями Европейского суда по правам человека, "в которых говорится о коррупции, пытках и других злоупотреблениях властей в России", реагирует на них негативно, в том числе блокируя планы суда упростить процессуальный механизм.

Некоторых европейский лидеров начинает беспокоить то обстоятельство, что попустительство нарушениям прав человека в России ослабляет такие важные институты, как ОБСЕ и Совет Европы. Как отметила Саари в отчете за 2006 г., "в последние годы Россия перешла в наступление на эти организации, утверждая, к примеру, что ОБСЕ не должна посвящать свою деятельность преимущественно защите прав человека".

Что может заставить европейские правительства выражаться более решительно? "Осознание того факта, что их

Продолжение на странице 14

собственные страны заинтересованы в более демократическом российском соседе", отвечает Хенсманс. "Мы должны убедить свои собственные правительства в том, что основная политическая задача Совета Европы, заключающаяся в обеспечении стабильности и предсказуемости России, не означает попустительского отношения к нарушению прав человека. Напротив, недемократическая Россия представляет угрозу международной стабильности".

Большинство европейских правозащитных групп полагают, что Брюссель должен проводить более опережающую политику, рассматривающую укрепление верховенства закона в России как стратегический приоритет. Накануне состоявшегося в мае саммита между Советом Европы и Россией организация Human Rights Watch сделала аналогичное заявление: "Лидеры Совета Европы не должны игнорировать недавнее заявление президента Медведева о готовности к реформе в области защиты прав человека. Совету Европы следует воспользоваться этой возможностью сотрудничества с ним".

Для правозащитников это означает создание более сильных союзов с участием организаций, занимающихся защитой свободы выражения и прав человека для работы на всех форумах - ОБСЕ, Совете Европы, Совете ООН по правам человека и ЮНЕСКО, - на которых Россия обязалась соблюдать международные нормы. Европейская общественность пока не слишком взволнована убийствами известных журналистов, что отражает в частности слабость и нерегулярность связей между европейским и российским гражданским обществом. "Развитие такого взаимодействия должно стать приоритетом для международных

Среди 17 жертв были журналисты, работавшие в больших и малых городах России: в столице страны, Москве; в промышленных городах Тольятти, Таганроге и Туле; в уральском поселке Рефтинский; в теплом городе Азове на реке Дон; в историческом Санкт-Петербурге, и в беспокойных северокавказских республиках Чечне, Ингушетии и Дагестане. Среди них были ветераны пера с международной репутацией и молодые репортеры, пытавшиеся осветить актуальные проблемы их региона. Среди них были репортеры и редакторы, издатель, аналитик, оператор и фотограф. Четверо из 17 работали в *Новой газете*, неустрашимом московском издании, которое продолжает публиковать критические материалы, невзирая на ужасные потери.

При всех различиях у жертв было нечто общее: они освещали сложные темы и вскрывали факты, содержавшие угрозу для сильных мира сего, будь то государственные чиновники или предприниматели, военные или боевики, сотрудники правоохранительных органов или члены преступных группировок. Ниже в порядке их появления в настоящем отчете перечислены 17 женщин и мужчин, отдавших свои жизни при выполнении служебного долга:

Пол Хлебников, редактор журнала *Forbes Россия*, освещавший связи между бизнесом, политикой и организованной преступностью. Его заставили замолчать 9 июля 2004 г., расстреляв на улице из проезжавшей мимо его московского офиса машины.

Анна Политковская, автор разгромных статей в *Новой газете* о нарушениях прав человека на Северном Кавказе. Наемный убийца застрелил ее в подъезде ее московского дома 7 октября 2006 г.

Эдуард Маркевич, учредитель крохотного

еженедельника *Новый Рефт*, который проверял, не используют ли государственные чиновники своих офисов в Рефтинском в целях получения личной выгоды. Он был убит выстрелом в спину 19 сентября 2001 г.

Павел Макеев, оператор телекомпании "Пульс", пытавшийся заснять нелегальные автогонки с перегрузками недалеко от города Азова, в котором жил и работал. Его коллеги выяснили, что 20 мая 2005 г. Макеев был сбит автомобилем, который не сбавляя скорости проволоч его по дороге больше 15 метров. Его оборудование и видеозапись исчезли с места преступления.

Юрий Щекочихин, заместитель редактора *Новой газеты*, который в течение двух лет скрупулезно расследовал сложную схему международной коррупции. Его поразил таинственный недуг, от которого он скончался 3 июля 2003 г. Историю болезни Щекочихина власти засекретили.

Иван Сафронов, военкор делового ежедневного издания *Коммерсантъ*, который в своих эксклюзивных репортажах описывал неудачные испытания ракет и сомнительные сделки с оружием. Он выпал из окна лестничной площадки своего московского дома, расположенной между четвертым и пятым этажами, 2 марта 2007 г.

Максим Максимов, репортер петербургского еженедельного журнала *Город*, занимавшийся расследованием коррупции в местном отделении МВД. Он исчез, отправившись на встречу с источником 29 июня 2004 г. Впоследствии было официально объявлено о его гибели.

Магомед Евлоев, издатель независимого информационного сайта *Ингушетия*, который избличал коррупцию в официальных кругах и

правозащитных групп", - считает преподаватель Брюссельского университета и специалист по России Ауде Мерлин.

Кроме того, такой подход требует распространения за пределы американских и европейских групп, от которых можно легко отмахнуться, сославшись на "происки запада", и выхода на гражданские общественные организации и независимые СМИ в таких странах, как Бразилия, Индия, Южная Африка и другие развивающиеся государства в тех регионах мира, где Россия хочет пользоваться репутацией надежного партнера.

Еще одним приоритетом является укрепление гражданского общества в самой России. Международные правозащитные группы призывают к снятию ограничений на деятельность неправительственных организаций в России и увеличению международной помощи российскому гражданскому обществу.

Елена Клицунова, автор рабочего документа, опубликованного брюссельским Центром европейских политических исследований, полагает, что международные группы должны "излагать свою позицию по правам человека с учетом психологии российского общества". Такого эффекта можно добиться, настаивая на том, что свобода печати и права человека не "навязываются из-за рубежа", а являются основой безопасности каждого гражданина и предпосылками устойчивого и справедливого развития. ■

Жан-Поль Мартоз - бельгийский журналист и писатель. Он ведет колонку иностранных дел в газете *Le Soir* (Брюссель) и преподает международную журналистику в Лувенском католическом университете. Ранее занимал должность директора отдела европейской прессы в организации *Human Rights Watch*; старший консультант проводимой КЗЖ Глобальной кампании по борьбе с безнаказанностью.

преступные нарушения прав человека в этой беспокойной южной республике. 31 августа 2008 г. он был задержан милицией и убит.

Наталья Скрыль, бизнес-репортер газеты *Наше время*, освещавшая борьбу за контроль над трубопрокатным заводом "Тагмет" в ее родном городе Таганроге. Она скончалась от ударов, нанесенных ей тяжелым предметом по голове на улице рядом с ее домом 8 марта 2002 г.

Вагиф Кочетков, репортер отдела политики газеты *Молодой коммунар*, публиковавший критические материалы о методах ведения бизнеса и организованной преступности в Туле. 27 декабря 2005 г. недалеко от дома его ударили по голове тупым предметом. Через 12 дней Кочетков скончался.

Валерий Иванов и Алексей Сидоров, один за другим возглавлявшие редакцию независимой газеты *Тольяттинское обозрение* и обличавшие организованную преступность и коррупцию в административных структурах города Тольятти, известного своим автомобилестроительным заводом. Иванова расстреляли в упор 29 апреля 2002 г., а 18 месяцев спустя, 9 октября 2003 г., был зарезан Сидоров. С обоими расправились рядом с домами, в которых они проживали.

Владимир Яцина, Магомедзагид Варисов и Тельман Алишаев, работавшие в беспокойном северокавказском регионе. Внештатного фотографа Яцину, находившегося в Чечне для сбора заказанных ему фотоматериалов, похитили в июле 1999 г., а в следующем феврале застрелили члены преступной группы. Варисов, политический аналитик крупнейшего дагестанского еженедельного издания *Новое дело*, выступал с критикой различных представителей политического истеблишмента перед тем, как

погибнуть под пулями убийц 28 июня 2005 г. Алишаев, репортер и ведущий дагестанского исламского телеканала "ТВ-Чиркей", освещал сложные и опасные религиозные темы перед тем, как 2 сентября 2008 г. его застрелил неизвестный.

Анастасия Бабурова, внештатный корреспондент *Новой газеты*, освещавшая деятельность неонацистских групп. 19 января 2009 г. убийца застрелил ее и известного адвоката-правозащитника Станислава Маркелова после московской пресс-конференции, на которой обсуждались подробности досрочного освобождения из тюрьмы российского полковника, осужденного за убийство чеченской девушки.

Игорь Домников, репортер и редактор отдела спецпроектов *Новой газеты*, выступавший с критикой экономической политики липецкой областной администрации. Нападавший ударил его молотком у дверей его московской квартиры 12 мая 2000 г., в результате чего через два месяца Домников скончался.

Неспособность добиться правосудия в этих делах очевидна на каждом этапе процесса: политическом, следственном, прокурорском, и судебном.

Политический климат определяет Кремль, а кремлевские лидеры создают препятствия для работы критически настроенных журналистов и подвергают их маргинализации. Журналисты, ведущие расследования, фактически лишены возможности работать на влиятельных государственных телеканалах и вынуждены публиковаться в печатных и Интернет-изданиях с ограниченной аудиторией. В таком климате эти журналисты подвергаются изоляции, становятся беззащитными и недооцененными, а их враги, напротив, смелее прибегают к крайней форме

цензуры - насилию.

Непрозрачная бюрократия правоохранительных органов позволяет им принимать важнейшие решения, не объясняя их общественности и не сообщая о них семьям и адвокатам жертв. Когда московская прокуратура прекратила уголовное расследование таинственных обстоятельств смерти Ивана Сафронова, чиновники даже не удосужились уведомить об этом семью журналиста. По словам дагестанских следователей, они ликвидировали одного из подозреваемых в убийстве Тельмана Алишаева и установили личность второго, однако родственники убитого журналиста утверждают, что непосредственно им власти ничего не сообщали.

Подобная закрытость системы позволяет властям не отчитываться перед обществом. В некоторых случаях от общественности и родных утаивались важные улики. Когда родные Юрия Щекочихина попытались получить более подробную информацию о его смерти, руководство государственной больницы, в которой лечили журналиста, опечатало историю болезни. В ряде случаев одни ведомства переваливают ответственность за буксующие расследования на другие. Так, запросы, подававшиеся КЗЖ по делу Натальи Скрыль, трижды передавались из одного ведомства в другое, и ни одно из них не ответило на вопросы КЗЖ по существу.

В ряде дел имеются значительные пробелы. Следователи не допросили предполагаемого участника сговора, в результате которого был похищен и убит Владимир Яцина, несмотря на то, что им было известно, что этот человек проживает и учится в Москве. В деле Эдуарда Маркевича власти задержали подозреваемого почти сразу, но позволили ему уйти, пока дело передавалось от прокурора к прокурору. В качестве мотива убийства Вагифа Кочеткова следователи указали ограбление, поскольку

не были заинтересованы в проверке версии о связи преступления с профессиональной деятельностью жертвы.

Представляя дела в суде, прокуроры нередко оказывались плохо подготовлены, а в одном случае обвинение было просто сфабриковано. На суде по делу об убийстве Анны Политковской скептически настроенным присяжным были представлены частично неприемлемые и неполные доказательства, и те оправдали троих обвиняемых. В деле Алексея Сидорова власти силой вынудили признание и сфальсифицировали доказательства вины невиновного человека; обвиняемый был оправдан.

Слушания по делу Пола Хлебникова сопровождались сомнительными и неаргументированными решениями суда. Председательствующий судья не принял никаких мер для защиты присяжных, которые подвергались запугиванию со стороны обвиняемых. Позднее суд отменил повторное рассмотрение дела, по которому проходили двое подозреваемых, без указания причины отмены и имени лица, принявшего такое решение.

Власти не устраняют конфликты интересов, что приводит к непредсказуемым результатам. Хотя Магомеда Евлоева застрелили, когда он находился под конвоем сотрудников ингушского МВД, расследование было поручено местным властям. Они быстро заняли сторону стрелявшего (племянника тогдашнего министра внутренних дел Ингушетии) и объявили, что смерть Евлоева произошла в результате несчастного случая. При расследовании убийства Максима Максимова власти Санкт-Петербурга не приложили видимых усилий, чтобы проверить предположение о причастности к нему местной милиции.

В ряде случаев представители власти на разных уровнях по-видимому подвергались внешнему давлению. Те же милиционеры,

которых обвиняли в разрешении незаконных гонок с перегрузками в Азове, объявили смерть Павла Макеева, погибшего при попытке заснять нелегальные автогонки, результатом ДТП. В Тольятти, городе печально известном своей коррупцией, следователи проигнорировали профессиональную деятельность журналиста-расследователя Валерия Иванова в качестве мотива его убийства.

Не выдержав запугивания, некоторые из родственников убитых журналистов отказались от попыток добиться правосудия в таких безнадежных с их точки зрения условиях. После убийства мужа, Татьяне Маркевич стали угрожать, и она была вынуждена уехать из города. Мать Натальи Скрыль, Нелля, сообщила КЗЖ, что ей посоветовали "не вмешиваться" в дело ее убитой дочери, если она хочет, чтобы с ее "еще живыми" родственниками ничего не случилось.

Несмотря на видимую безысходность, ситуация не безнадежна. И Россия, и международное сообщество кровно заинтересованы в том, чтобы положить конец безнаказанности.

Для российского руководства это вопрос обеспечения национальной безопасности и правопорядка. Президент Медведев и премьер-министр Путин во всеуслышание обещали обеспечить стабильность в стране, справиться с коррупцией и гарантировать безопасность всех своих граждан. Если 17 журналистов расплачиваются своей жизнью за то, что задают трудные вопросы, и ни одно из этих убийств не раскрывается до конца, значит правительство не выполняет своего долга по обеспечению верховенства закона.

Некоторые российские должностные лица утверждают, что безнаказанность убийц журналистов – это внутреннее дело России, и международная общественность вмешиваться

в него не должна. Но для партнеров России в Европе и во всем мире эта тема крайне важна. Убийства сотрудников СМИ приводят к распространению самоцензуры среди журналистов, а проблемы международного значения остаются почти или вовсе без освещения. Когда страна делает свое общество закрытым, она перестает быть надежным международным партнером.

Россия играет весомую роль в многочисленных международных организациях, но членство в этих организациях обязательно предполагает уважение к правам человека, которое является нормой для международной общественности. Если Россия не соблюдает эти права на своей территории, они размываются и в остальных странах. Это в особенности верно в случае российского "ближнего зарубежья". Москва по-прежнему является политическим и моральным образцом для многих бывших советских республик, которые следуют ее примеру в решении вопросов, связанных с правами человека и свободой слова.

Международное сообщество должно напоминать российским руководителям об их обязанностях и при каждой возможности требовать выполнения обещаний.

Это очень непростая задача, но российские власти могут положить конец безнаказанности. Как следует из настоящего доклада, провалы расследований и судебных разбирательств по делам о смерти 17 журналистов – это результат отсутствия у властей желания (а отнюдь не возможности) добиться успешного расследования этих преступлений. Россия располагает всеми необходимыми ресурсами—в правоохранительных органах, научной среде, экономической сфере, и человеческом потенциале—для раскрытия убийств и нападений на журналистов.

В тех случаях, когда расследования сталкиваются с конфликтом интересов, необходимо назначать новых и независимых

следователей и по возможности переводить дела в другую юрисдикцию. Вместо того, чтобы воздвигать стены секретности, властям следует стремиться к открытости и отчитываться в своих действиях перед гражданами, чтобы восстановить их доверие к государственным институтам. Официальные лица должны поддерживать регулярный контакт с родственниками жертв и предоставлять им доступ к материалам дел. Судебные слушания должны проходить в открытом режиме.

Необходимо возобновить следствие по делам, которые формально не закрыты, но на деле остаются без движения: нужно отработать непроверенные версии, объявить в розыск отсутствующих подозреваемых, отыскать и допросить свидетелей и потенциальных подозреваемых. В тех случаях, когда версия о профессиональной деятельности погибших в качестве мотива преступления серьезно не рассматривалась, ее следует тщательно проверить.

В российской централизованной правоохранительной системе все местные

прокуроры и следователи подчинены Москве. Такая система требует, чтобы федеральные власти осуществляли более жесткий надзор за действиями своих подчиненных на местах. Генеральная прокуратура, возглавляемая Юрием Чайкой, и Следственный комитет под руководством Александра Бастрыкина разделяют практическую ответственность за расследование этих 17 дел.

Президент Медведев и премьер-министр Путин, как главные российские руководители, совместно несут моральную ответственность за расследование этих преступлений. Для начала они могут осудить - публично и недвусмысленно – все акты насилия над журналистами, позволить критической журналистике вернуться в российское общественное медиапространство и потребовать от руководства правоохранительных органов конкретных результатов при расследовании преступлений против представителей СМИ. Это стало бы шагом на пути к стабильному и справедливому обществу для всех россиян и продемонстрировало бы стремление Москвы к международному лидерству. ■

Известные далеко за пределами страны журналисты Пол Хлебников и Анна Политковская погибли от рук наемных убийц в Москве с промежутком в два года. Несмотря на обещания, аресты и суды, осужденных по этим делам до сих пор нет.

Казалось, что в расследованиях убийств редактора журнала *Forbes Россия* Пола Хлебникова и репортера *Новой газеты* Анны Политковской многое идет как надо. Следствие исходило из того, что журналистов убили в отместку за их служебную деятельность. Прокуроры предъявили подозреваемым обвинения и представили дела в суде присяжных.

Немногие расследования убийств других российских журналистов доходили до этого этапа. Однако ни то, ни другое дело не закончилось вынесением обвинительных приговоров, и этот нулевой результат обнажил системные пороки судебного механизма: недостаток прозрачности, отсутствие необходимости отчитываться перед общественностью, подверженность внешнему влиянию и неспособность доводить дела до конца.

Процесс по делу Хлебникова, проходивший в закрытом режиме, изобиловал сомнительными судебными решениями. Начать с того, что председательствующий судья не оградил присяжных от запугивания и по-видимому вмешивался в процесс вынесения ими решений. После оправдания двух обвиняемых в этом преступлении, совершенном в 2004 г., один из прокуроров публично заявил о наличии "серьезных нарушений" в судебном процессе. Однако, несмотря на поданную обвинением апелляцию, в результате которой дело было отправлено на повторное слушание, один из обвиняемых исчез, и дело в суд не вернулось. Предположительный заказчик убийства так и не был задержан.

Процесс Политковской был открыт для публики почти на всем своем протяжении,

несмотря на попытки председательствующего судьи перевести слушания в закрытый режим. Именно открытость процесса в этом деле выявила серьезные дефекты в позиции обвинения. Трое обвиняемые в убийстве, совершенном в 2006 г., - предполагаемые посредник, дожидавшийся убийцу водитель и соучастник следивший за журналисткой - были оправданы, хотя впоследствии Верховный суд постановил провести повторные слушания. Человек, который по версии следствия расстрелял журналистку, исчез, прежде чем ему смогли предъявить обвинение. Заказчик установлен не был. Согласно *Новой газете*, расследование застопорилось благодаря вмешательству весьма влиятельных лиц, и убийство Политковской так и осталось нераскрытым.

Пол Хлебников, 41-летний редактор-учредитель журнала *Forbes Россия*, задержан на работе 9 июля 2004 г. Когда он вышел из своего московского офиса около 10 часов вечера, из проезжавшего мимо автомобиля в него выпустили девять пуль. По словам репортера журнала *Русский Newsweek* Александра Гордеева, который говорил с журналистом, пока ждали скорую помощь, раненый Хлебников описал стрелявшего как "брюнета, одетого в черное", но не знал, кто этот человек и кто мог стоять за преступлением.

Хлебников, гражданин США русского происхождения, основал российское издание журнала в апреле 2004 г., всего за несколько месяцев до своей смерти, полагая, что реформы двигают страну в сторону большей прозрачности в бизнесе и политике. В

своем первом комментарии для журнала он писал, что российский бизнес достиг "новой, более цивилизованной стадии развития", и в доказательство привел факт издания своего журнала. Опытный журналист-расследователь Хлебников немедленно занялся освещением российской бизнес-элиты, опубликовав "золотую сотню" - список самых богатых людей страны. Публикация списка не прошла незамеченной среди не стремящихся к известности российских олигархов, которые как правило не были заинтересованы в том, чтобы информация об их капитале попадала на страницы популярных журналов.

Хлебников не боялся рискованных тем. Среди опасных сюжетов он писал об убийстве в 1995 г. тележурналиста Владислава Листьева и о "гангстерском капитализме" 1990-х. Объектом его исследований становились и связи между российским бизнесом, политикой, правоохранительными структурами и организованной преступностью, и вооруженный конфликт и политическая борьба в Чечне. Опубликованная им в 2003 г. на русском языке книга *Разговор с варваром* была написана по материалам интервью с лидером чеченских сепаратистов Хож-Ахмедом Нухаевым.

Впоследствии российские власти объявили, что разгневанный анти-сепаратистским подходом автора книги Нухаев заказал убийство Хлебникова. Следователи не объяснили оснований, на которых строился такой вывод, а о местонахождении Нухаева ясной информации не сообщалось.

Дело было сочтено весьма важным и генеральный прокурор Владимир Устинов распорядился о создании специальной следственной группы. По сообщению информационного агентства "Интерфакс", в связи с этим убийством в ноябре 2004 г. сотрудники МВД арестовали 40-летнего чеченца Мусу Вахаева; позднее Вахаеву

В ЗАЩИТУ СУДОВ ПРИСЯЖНЫХ

Если правосудие не восторжествовало, когда присяжные оправдали подозреваемых на двух громких процессах, нельзя их в этом винить. Как бы то ни было, суд присяжных может оказаться самой верной дорогой к правосудию.

Леонид Никитинский

Оправдательные вердикты присяжных по делам, связанным с убийствами двух журналистов – Пола Хлебникова и Анны Политковской, обманули ожидания общественности. Но виноваты ли в этом присяжные? Занимаясь уже более полутора лет общественной программой "Клуб присяжных" и сделав интервью (не для печати, а для отбора активных участников "клуба") с сотней бывших присяжных из самых разных процессов в различных регионах России, я сегодня достаточно хорошо понимаю их логику. Если исключить привходящие обстоятельства (они, возможно, были в "деле Хлебникова", но я уверен, что в "деле Политковской" их не было), то при твердых доказательствах вины присяжных всегда вынесут обвинительный вердикт, а при шатких доказательствах – скорее оправдательный вердикт. Худшее, что может сделать на процессе с присяжными обвинение – это попытаться им врать или что-то скрывать от них – а в "деле Политковской", где на скамье подсудимых не было ни исполнителей, ни заказчиков, именно это и происходило. Редакцией *Новой газеты*, да и общественностью в целом, вердикт по "делу Политковской" был воспринят с пониманием. Мы полагаем (за пределами вопроса об их логике), что этот вердикт к тому же не даст возможности следственным

Продолжение на странице 22

органам хотя бы сделать вид, что это преступление "раскрыто".

Кстати, для тех судей, которые работают с присяжными, характерно высказывание одного из них: "Логика присяжных может не совпадать с моей собственной, но она всегда есть". Решений "от фонаря" присяжные не выносят, этот механизм в России оказался совершенно "разумен". Логика их в том, что они твердо, может быть, иногда "с перебором" стоят на позициях презумпции невиновности: все неустранимые сомнения толкуются в пользу подсудимого. Об этом им каждый раз говорит судья в напутственном слове, но сами профессиональные судьи в России (о чем я много говорил в США и говорю в Москве) часто "меняют полярность" и с закрепленной в Конституции, в УК, во всей истории мирового правосудия презумпции невиновности скатываются на "презумпцию правоты мента".

В этом сегодня и заключается вся разница между судом присяжных и профессиональными судьями в России. Суд присяжных, в отличие от многих других заимствований из западного права и процесса, быстро прижился в России как в 19 веке, так и, после 70-летнего перерыва, в 21-м: по-видимому, он отвечает известным традициям понимания в России права как "справедливости". Разумеется, у суда присяжных, как и у любого сложного социального института, есть свои издержки. Споры вокруг него, которые ведутся здесь очень ожесточенно, по сути, сводятся к древнему вопросу, который всегда стоял в любом государстве перед любым уголовным судом: "Что лучше (в условиях неочевидности) – оправдать виновного или осудить невиновного?".

Этот вопрос определяет политико-правовой режим в государстве, сегодня в России профессиональные судьи и присяжные отвечают на него по-разному, а какой ответ нам больше по душе – зависит от того, в

предъявили обвинение в том, что он находился за рулем машины, из которой застрелили Хлебникова. В феврале 2005 г. власти Беларуси выдали России 30-летнего чеченца по имени Казбек Дукузов, которого обвинили в том, что он застрелил Хлебникова.

К ноябрю 2005 г. Генеральная прокуратура объявила о завершении расследования в отношении двоих подозреваемых и готовности передать дело в суд. Московский городской суд объявил, что слушания по делу Дукузова и Вахаева будут проводиться в закрытом режиме, поскольку должна была обсуждаться некая секретная информация. Когда в начале 2006 г. суд приступил к рассмотрению дела, судья Московского городского суда Владимир Усов по просьбе обвинения запретил всем участникам разбирательства разглашать информацию, связанную с делом. В суде объяснили, что запрет на разглашение информации имеет целью обеспечить безопасность присяжных и остальных участников разбирательства. Но, по сообщениям источников КЗЖ, никаких других, более очевидных мер защиты присяжных не принималось.

Из нескольких источников КЗЖ стало известно, что на всем протяжении процесса присяжные не были защищены от запугивания. По словам этих источников, обвиняемые и их адвокаты неоднократно делали угрожающие заявления в присутствии присяжных, которые не были изолированы, и входящие в зал суда и выходящие из него лица без труда могли к ним приблизиться. Впоследствии, в ноябре 2006 г., ежедневная деловая газета *Коммерсантъ* сообщила, что одна из женщин-присяжных жаловалась на то, что Дукузов сказал ей, что ее застрелят, если она не проголосует за оправдание.

По словам репортера-расследователя Ричарда Бехара, возглавляющего "Проект Хлебников" (группу журналистов,

объединивших усилия для раскрытия этого убийства), следствие располагает значительными доказательствами вины Дукузова и Вахаева. В опубликованной в июне 2006 г. в *Форбсе* статье Бехар писал, что следователи получили записи телефонных разговоров, из которых следует, что обвиняемые вели наблюдение за Хлебниковым в течение двух недель, предшествовавших убийству. С помощью свидетеля была установлена машина, из которой стреляли в Хлебникова, после чего в этой машине были обнаружены отпечатки пальцев Вахаева. Кроме того, прокуроры располагали показаниями некоего знакомого обвиняемых, который слышал, как они говорили, что им хорошо заплатили за "большую работу".

После того, как в мае 2006 г. присяжные вынесли свое решение, возникли дополнительные вопросы к проведению судебного разбирательства. Судья Усов трижды покидал зал суда после получения – но до объявления – решения присяжных. Все три раза он приглашал присяжных покинуть зал суда вместе с ним, лишая процесс даже того ограниченного контроля, который возможен при закрытом слушании. Как сообщила газета *Коммерсантъ* 6 мая 2006 года, присяжные получили указание ответить на ряд вопросов для того, чтобы принять решение, однако их ответы не совпали. "Вчера судья Владимир Усов долгое время не мог огласить решение присяжных," – сообщала газета. "Он три раза возвращал его присяжным 'на стилистическую доработку'. Адвокат Вахаева Руслан Хасанов пояснил, что формулировки содержали неточности, и судья Усов возвращал ответы с инструкцией: 'Подумайте еще!'"

Вердикт: оба обвиняемых признаны невиновными. Прокурор Дмитрий Шохин во всеуслышание заявил, что решение было принято в результате "серьезных нарушений"

каком направлении мы хотим развиваться. Как инициатору программы "Клуб присяжных" этот суд видится мне тем островком твердой почвы, отталкиваясь от которого можно продолжать борьбу за независимое правосудие в России и переворачивать "презумпцию правоты мента" обратно с головы на ноги в презумпцию невиновности. Кроме того, общение с бывшими присяжными убеждает нас в том, что для них это уникальная школа гражданского мужества и взросления. Можно лишь сожалеть, что в России суд присяжных рассматривает очень небольшое число наиболее тяжких обвинений, менее процента от общего числа уголовных дел в судах. Стратегически движение "Клуб присяжных" будет бороться за расширение его подсудности. ■

Леонид Никитинский – обозреватель Новой газеты и президент Гильдии судебных репортеров России. Кроме того, он является учредителем "Клуба присяжных" (www.juryclub.ru). Это проект гильдии, в рамках которого присяжные, судьи, юристы и общественные деятели знакомят общественность с преимуществами суда присяжных.

судебного процесса. Обвинение, к которому присоединились родные Хлебникова, подало апелляцию в российский Верховный суд, который в ноябре 2006 г. отменил оправдательный приговор и постановил провести новые слушания с новым судьей.

Однако к тому времени оправданный присяжными и вышедший на свободу Дукузов исчез. Московский городской суд отложил повторные слушания и в 2007 г. полностью прекратил производство по делу, отправив его обратно в Генеральную прокуратуру на доследование. Суд так и не раскрыл имени чиновника, принявшего решение, в результате которого следствие вернулось к начальному этапу.

Обвинение подало еще одну апелляцию, но Верховный суд оставил в силе решение суда первой инстанции, что озадачило не только родных Хлебникова. "Наш адвокат сообщила нам, что дело передано в Генеральную прокуратуру не по закону", - говорит брат журналиста Питер Хлебников. Верховный суд не пояснил причин своего решения.

В настоящее время дело находится в федеральном Следственном комитете при Генеральной прокуратуре, который представляет собой полуавтономное ведомство, созданное в 2007 г. и отвечающее за проведение расследований уголовных дел. В своей переписке с КЗЖ старший следователь Петрос Гарибян сообщил, что российские власти объявили Дукузова в международный розыск. По словам следователя, Вахаев открыто проживает в России. После встречи между президентом Дмитрием Медведевым и его американским коллегой Барак Обама в июле 2009 года, правительство России пообещало снова взяться за это дело. "Мы добьемся своей цели, разыскав тех, на ком лежит ответственность за это преступление", - заявил представитель МИДа Андрей Нестеренко.

Анну Политковскую, специального корреспондента *Новой газеты*, застрелили во второй половине дня 7 октября 2006 г. в подъезде ее московского дома, когда она возвращалась из продуктового магазина. Ей было 48 лет. Она выходила из лифта в вестибюле дома за оставшимися в машине сумками, и неожиданно наткнулась на убийцу, который выпустил в неё четыре пули калибра 9 мм из пистолета марки "Иж" с глушителем. Убийца бросил пистолет рядом с ее телом и спокойно ушел. Камеры видеонаблюдения в здании и на улице зафиксировали изображение стройного мужчины среднего роста в темной одежде, с лицом, закрытым бейсбольной кепкой.

Новость об этом убийстве облетела мир за считанные часы, хотя международные СМИ уделили ему больше внимания, чем российские. Политковская пользовалась известностью и уважением за рубежом, однако в России ее знали главным образом в узких либеральных кругах. Будучи резким критиком войны в Чечне, которую она семь лет освещала в *Новой газете*, Политковская очень много писала о пытках, коррупции в официальных структурах и преступных нарушениях прав человека на Северном Кавказе. За эти семь лет она неоднократно навлекла на себя гнев российских властей. По данным КЗЖ, на протяжении ее деятельности ей угрожали, задерживали, вынуждали уехать из страны, а однажды даже отравили. В последнем материале Политковской, опубликованном после ее смерти, подробно рассказывается о пытках молодых чеченцев в руках местных военных группировок, верных Рамзану Кадырову—местному лидеру, пользующемуся поддержкой Кремля. Несмотря на значительные профессиональные заслуги Политковской, государственные телеканалы, являющиеся основным источником новостей для большинства россиян, ни разу не взяли у нее интервью.

Первая публичная реакция президента Владимира Путина на это убийство— последовавшая тремя днями позже в ответ на вопрос репортера—выглядела бесчувственной. "Должен сказать, что ее политическое влияние (думаю, эксперты со мной согласятся) было незначительно внутри страны и, скорее всего, она была более заметна в правозащитных кругах и в кругах масс-медиа на Западе", - сказал президент в интервью мюнхенской ежедневной газете *Süddeutsche Zeitung*. Независимо от того, насколько технически верной была данная Путиным оценка (в конце концов, общественное медиа-пространство для журналистки закрыла именно его администрация), важнее было то, что он сказал дальше. Верховный главнокомандующий страны по сути велел российской прокуратуре исключить политиков и прочих государственных должностных лиц из круга подозреваемых. "Для действующих властей вообще и для чеченских властей в частности убийство Политковской нанесло гораздо больший ущерб, чем ее публикации", - заявил Путин. "Я не могу себе представить, что кто-то из официальных лиц мог додуматься до организации такого жестокого преступления". Позже, выступая на политическом форуме в Дрездене, он сказал, что это убийство было организовано для того, "чтобы создать волну антироссийских настроений в мире".

Почти год спустя, 27 августа 2007 г., генеральный прокурор России Юрий Чайка сообщил на пресс-конференции в Москве о задержании 10 подозреваемых в связи с этим преступлением. Через два дня был выдан ордер на арест 11-го подозреваемого. По словам Чайки, среди подозреваемых были действующие и бывшие сотрудники МВД и ФСБ, а также члены преступной группировки, возглавляемой неким чеченцем, который "специализируется на заказных

убийствах". По сообщению агентства новостей ИТАР-ТАСС, Чайка, почти повторяя прозвучавшие за год до того слова Путина, предположил, что заговор с целью убить Политковскую был составлен за рубежом, чтобы "дестабилизировать ситуацию в России, дискредитировать руководителей страны и заменить конституционный строй государства". Он не назвал заказчиков и не сообщил подробностей о "зарубежной" версии.

Имена 11 задержанных официально не назывались, но через несколько дней просочились в печать. Редактор *Новой газеты* Дмитрий Муратов сообщил КЗЖ, что утечка информации нанесла вред расследованию, так как главные заговорщики восприняли ее как сигнал к тому, чтобы уйти в тень. "Согласно нашим источникам", - написал заместитель редактора *Новой газеты* Сергей Соколов 12 сентября 2007 г. в редакционной статье, - "эти 'утечки' являются целенаправленной политикой, смысл которой – развал дела".

К тому времени, как в середине ноября 2008 г. в Московском окружном военном суде начались слушания по делу Политковской, в заключении оставалось лишь четверо из первоначально задержанных 11 подозреваемых. Троице из них - Сергею Хаджикурбанову, бывшему оперуполномоченному Московского управления по борьбе с организованной преступностью, и братьям-чеченцам Джабраилу и Ибрагиму Махмудовым – были предъявлены обвинения в убийстве. Четвертому подозреваемому, подполковнику ФСБ Павлу Рягузову, были предъявлены обвинения в вымогательстве и превышении служебных полномочий по другому делу. Хотя Рягузову обвинения в связи с убийством Политковской не предъявлялись, его дело слушалось вместе с делами остальных троих обвиняемых ввиду его предполагаемой связи с Хаджикурбановым.

Хаджикурбанов обвинялся в предоставлении орудия убийства и вербовке убийц Политковской. Джабраилу, младшему из братьев Махмудовых, были предъявлены обвинения в том, что он находился за рулем машины, которая в тот октябрьский день доставила убийцу к дому Политковской. Старший брат, Ибрагим, обвинялся в том, что вел слежку за Политковской и информировал сообщников о ее возвращении домой. Третьему из братьев Махмудовых, Рустаму, обвинения в том, что он застрелил Политковскую, были предъявлены заочно (однако заочно судить его не стали). По словам следователей, машина, которую вел Джабраил ("Лада" зеленого цвета) была зарегистрирована на имя Рустама.

Согласно сообщениям информационных агентств, Рустам Махмудов бежал из России вскоре после того, как имена подозреваемых просочились в прессу. По сообщениям *Новой газеты* и других источников, Рустам подкупил сотрудника иммиграционной службы, и получив фальшивый паспорт, покинул страну.

Когда в ноябре 2008 г. начались слушания, одновременное отсутствие предполагаемого убийцы и заказчика преступления сильно ослабило обвинение. Процесс начинался нелегко. Сначала судья Евгений Зубов открыл зал суда для прессы, потом закрыл его, якобы по просьбе присяжных. Однако, после того, как один из присяжных публично заявил, что никто не просил закрывать слушаний, журналистов снова допустили в зал суда. За контакт с прессой этот человек был удален из состава присяжных.

Вскоре стало ясно, что позиция обвинения в отношении троих обвиняемых неубедительна. Доводы харизматичного Мурада Мусаева, адвоката Джабраила Махмудова, посеяли множественные сомнения среди присяжных и лиц, наблюдавших за ходом процесса. По сообщению журналиста американского издания *The New Yorker* Кита Гессена, защитник утверждал,

что кроме принадлежавшей Рустаму Махмудову автомашины "Лада" на той же улице одновременно с ней находилось еще семь автомобилей той же модели. Кроме того, Мусаев продемонстрировал неувязки в описании маршрута, по которому Политковская возвращалась домой из продуктового магазина и следуя которому должна была проехать мимо места, в котором якобы находился следивший за ней Ибрагим Махмудов. Защитник отметил, что Политковская вполне могла вернуться домой по другому маршруту.

Однако самое значительное поражение государственные обвинители потерпели, когда дело дошло до детализации телефонных звонков братьев Махмудовых. Обвинения, предъявленные братьям, были построены главным образом на этой детализации. Согласно распечаткам звонков, Джабраил и Ибрагим несколько раз звонили друг другу до и после 4-х часов дня (убийство было совершено именно в это время). Однако, к изумлению присутствующих, прокурор представил суду в качестве доказательства не оригинал детализации телефонных разговоров, а составленную следователями таблицу, отражающую звонки с телефонов Махмудовых. По сообщению Гессена, авторство таблицы принадлежало сотрудникам МВД, а не телефонной компании, и в ней приводились противоречивые данные о количестве звонков, которыми обменивались братья. Обвинитель, по словам Гессена, объяснил, что таблица была составлена для облегчения пересылки данного документа по электронной почте следователями. В конце концов суду была предъявлена распечатка предоставленной телефонной компанией детализации звонков, однако доверие присяжных к обвинению уже поколебалось. Защита указала на очевидное обстоятельство: детализация могла быть сфальсифицирована.

Записи камер видеонаблюдения,

использовавшие обвинением в качестве наиболее убедительного доказательства, также оказались уязвимыми. Защита отметила несоответствия во времени записей, снятых в продовольственном магазине, где Политковская покупала продукты, у нее в подъезде и в соседнем банке (эта камера показывала улицу перед ее домом). Еще более странно, что камера продовольственного магазина запечатлела мужчину и женщину, которые явно идут следом за Политковской. Обвинение, однако, никакого объяснения этому факту не предоставило. В отличие от лица предполагаемого убийцы их лица отчетливо видны на видеозаписи. Кто были эти люди? Допрашивали ли их?

Гессен сообщает, что, по словам Соколова (*Новая газета*), вначале следствие пошло по этому пути, но внезапно отказалось от него. По словам Соколова, подразумевалось, что этих двоих трогать было нельзя.

Защита воспользовалась пробелами и небрежностью обвинения и укрепила свои позиции. После опровержения Мусаевым доказательств вины братьев-чеченцев адвокату обвиняемого Хаджикурбанова было совсем не сложно защищать своего клиента. Он заявил, что Хаджикурбанов не мог организовать это преступление, потому что вышел из тюрьмы всего за месяц до убийства Политковской.

19 февраля присяжные меньше чем за два часа приняли решение оправдать всех троих обвиняемых в убийстве Политковской, и Рягузова по несвязанному с ним делу. На пресс-конференции, состоявшейся сразу после этого, представлявший *Новую газету* Соколов сказал, что решение присяжных – это "приговор всей правоохранительной системе, которая работает неэффективно от

начала и до конца". Он говорил о коррупции в правоохранительных органах, которая по его словам не позволила следователям добиться лучших результатов.

Новая газета, дети Политковской и их адвокаты Каринна Москаленко и Анна Ставицкая были разочарованы тем, что не удалось выявить убийц и привлечь их к ответу, но приняли решение присяжных и положительно оценили открытость слушаний и то, что Москаленко назвала "по-настоящему состязательным процессом".

Именно благодаря прозрачности были выявлены недоработки в версии обвинения и стала очевидной необходимость проведения нового, эффективного расследования. "Мы требуем, нам нужны настоящие убийцы - настоящие убийцы!" - заявила Москаленко репортерам после оглашения приговора. "И мы этого добьемся".

В июне Верховный суд отменил оправдательные приговоры и постановил провести повторное слушание дел троих обвиняемых. Суд обнаружил в первом разбирательстве процессуальные нарушения, в том числе ненадлежащее допущение заявлений, которые отрицательно повлияли на беспристрастность присяжных. Это не изменило скептической настроенности коллег и сторонников Политковской. По их словам, доказательства вины троих подозреваемых, представленные обвинением, были изначально шаткими, и повторное разбирательство не смогло бы решить основной вопрос – о привлечении к ответу самых главных виновников. "Для нас самое главное", - сказал Соколов, - "это чтобы не какие-то второстепенные лица ответили за свои действия, а настоящие преступники— убийца и заказчик этого преступления— предстали перед судом". ■

Предприимчивые молодые журналисты, освещающие опасную местную проблематику, часто оказываются в изоляции и не защищены от мести сильных мира сего. Работа Эдуарда Маркевича и Павла Макеева стоила им жизни.

В российских регионах, где преступность и коррупция как правило неподконтрольны властям и не освещаются государственными СМИ, независимое освещение событий может играть особенно большую роль. Только что открывшаяся газета или журналист-новичок могут вскрывать серьезные проблемы.

Однако при очень незначительной поддержке, исходящей разве что от правозащитных групп и независимой адвокатуры, чьи ресурсы и без того ограничены, эти журналисты оказываются в изоляции, их некому защитить от мести. Сотрудники правоохранительных органов слишком часто служат интересам местных политиков, бизнесменов и преступников. Иллюстрацией этой опасности могут служить убийства двух молодых журналистов.

Эдуард Маркевич подготовил первое издание еженедельника *Новый Рефт* в июле 1997 г. В свои 25 лет он был отважным журналистом, решившим пролить свет на беззаконие, от которого страдали жители Рефтинского, посёлка с 19-тысячным населением в центральной части России (Свердловская область), где основными работодателями были крупная птицеферма и гидроэлектростанция. Продав подаренную на свадьбу мебель, Маркевич с женой Татьяной купили компьютер. Эдуард самостоятельно научился работать с программами Photoshop и PageMaker, и вместе с супругой стал выпускать еженедельник тиражом 4 тысячи экземпляров.

В 2003 г., когда Павлу Макееву было 19 лет, они с матерью, которая только что снова вышла замуж, переехали с российского севера в Азов, город с 90-тысячным населением,

расположенный на юго-западе России на берегах реки Дон. Павел устроился оператором на местный телеканал "Пульс", где научился искусству видеосъемки и монтажа материалов для программ новостей. Среди коллег общительный молодой журналист сразу прославился вкусными бутербродами, которые сам готовил для сотрудников ночной смены.

Безжалостная расправа над журналистами была очернена очевидным нежеланием властей раскрыть оба преступления.

Зимой 1998 г. Эдуард Маркевич и занимавший независимую позицию адвокат Юрий Кожевников начали расследовать информацию о том, что некое должностное лицо якобы сдавало в аренду государственное профтехучилище с целью получения личной выгоды. За этим последовали две кошмарные недели: сначала два человека в масках ворвались в квартиру Маркевича и избили его металлическими прутьями на глазах у жены, а через несколько дней их квартиру кто-то поджег. Получивший ранения Маркевич не отступился и в марте опубликовал статью, хотя милиция никаких видимых успехов в задержании подозреваемых в этих двух нападениях не добилась.

Маркевич снова посорился с местными властями в 2000 г., опубликовав материал, в котором выражалось сомнение в легитимности государственного контракта, предоставлявшего бывшему заместителю прокурора эксклюзивное право представлять администрацию Рефтинского в суде.

Журналист был задержан по обвинению в клевете и провел в заключении 10 суток, пока не вступился областной прокурор, отменивший незаконную меру пресечения.

В 2001 г. Маркевич получил новую крайне интересную информацию, с которой однако надо было обращаться осторожней, чем обычно – до такой степени, что по словам его жены, даже она не знала, о чем будет материал. Как сообщал впоследствии *Новый Рефм*, Маркевич дал понять приятелю, что статья будет "настоящей бомбой ... опасное дело". Его жена рассказала в интервью КЗЖ, что в сентябре 2001 г. Маркевичу начали угрожать по телефону, и он стал больше времени проводить дома. Теперь кто-то часто парковал незнакомые белые "Жигули" 10-й модели у дома, в котором жили Маркевичи.

В 9 часов вечера 19 сентября 2001 г., когда Маркевич шел по двору к своему дому, неизвестный мужчина выстрелил ему в спину из обрезка, после чего скрылся на белых "Жигулях" 10-й модели. Аналитик московского Центра экстремальной журналистики Сергей Плотников и *Новый Рефм* узнали о деталях преступления от свидетелей убийства. Пока криминалисты осматривали место преступления, примерно в 40 километрах от Рефтинского дорожно-постовая служба остановила машину, соответствовавшую описанию автомобиля, в котором скрылся стрелявший. Согласно Плотникову, при осмотре машины была найдена крупная сумма денег, после чего водитель был задержан. По словам Плотникова, местные прокуроры были "вне себя от радости", что убийство удалось раскрыть.

Однако через несколько дней дело было передано без объяснений в свердловскую областную прокуратуру, а расследование по-видимому застопорилось. Судя по сообщениям в прессе, цитирующим свердловскую прокуратуру, по истечении

10 суток подозреваемого освободили в связи с "недостатком улик". По словам Плотникова, в течение следующих двух лет дело передавалось из одних рук в другие, пройдя в общей сложности через четырех следователей, лишь один из которых проявил к нему сколько-нибудь заметный интерес.

Надеясь установить убийцу мужа, Татьяна Маркевич продолжала издавать *Новый Рефм*. Газета сообщила, что незадолго до смерти Эдуард Маркевич, возможно, проверял информацию о предполагаемых злоупотреблениях государственной собственностью. Согласно *Новому Рефму*, он попросил своего знакомого сфотографировать принадлежавшее государству здание, а еще одного коллегу – заснять на пленку встречу "ВИП-персонала" в этом здании.

4 октября 2002 г. *Новый Рефм* опубликовал статью адвоката Кожевникова с продолжением расследования связанных с ПТУ обвинений, опубликовать которое газета начала в 1998 г. Татьяна вспоминает, что через пять дней после публикации статьи, когда она готовила следующий номер для типографии, кто-то бросил в окно ее квартиры гантелю с угрожающей запиской. По ее словам, на следующее утро она обнаружила, что дверь ее квартиры была залита лаком, и заметила на полу горелые спички.

По ее словам, представители милиции фактически не осматривали место преступления и отказались предоставить ей какую-либо охрану. Опасаясь за себя и своего трехлетнего сына, 15 октября 2002 г. Татьяна закрыла *Новый Рефм*, переехала в другой город и устроилась на новую работу.

Свердловская прокуратура отказалась отвечать на вопросы КЗЖ о ходе расследования дела Маркевича, передав запрос в свердловское отделение Следственного комитета. На письменные

вопросы, направленные КЗЖ в мае 2009 г. в СК, ответов получено не было.

Татьяна Маркевич, которая в конце концов получила материалы следствия и ознакомилась с ними, говорит, что по ее мнению именно передача дела в другой орган на раннем этапе следствия—т.е. в момент сбора и анализа главных улик—обрекла расследование на неудачу. "И по сей день я не понимаю, почему не были взяты отпечатки пальцев в машине, которую они задержали после убийства", - говорит она. По ее словам, она подозревает, что передача дела и освобождение единственного подозреваемого явились результатом "вмешательства сверху".

Один из друзей убитого журналиста, местный репортер Вячеслав Мартюшов, отмечает, что расследовать связи между бизнесом, политикой, и преступностью в России – дело рискованное. "Не случайно ведь заказные убийства в конечном итоге попадают в категорию "нераскрытых", - сказал Мартюшов в интервью *Новому Рефту* в октябре 2002 г. "Если копать поглубже, на поверхность выйдут корни, которые ведут вверх".

На втором году своей только что начавшейся карьеры Павел Макеев вызвался отснять рискованный материал о нелегальных автогонках с перегрузками, которые по слухам устраивались для детей предпринимателей и чиновников, известных в тех местах как "золотая молодежь". По словам главного редактора "Пульса" Алексея Склярова, организаторы перекрывали движение на четырехполосном участке шоссе недалеко от города и принимали крупные ставки у многочисленных зрителей. По непроверенным слухам, благодаря подкупу сотрудники ГИБДД смотрели на гонки сквозь пальцы.

20 мая 2005 г. в 23:30 Макеев с коллегой прибыли на съемки гонок. Полтора часа спустя молодой оператор был мертв. По сообщениям в прессе, около часу ночи в службу спасения позвонили с сообщением, что на шоссе в кювете обнаружен окровавленный труп со множественными кровоподтеками.

По словам Склярова, чей канал провел собственное расследование смерти оператора, очевидцы говорят, что белые "Жигули" 9-й модели, за рулем которых находился молодой человек, сбили Макеева на большой скорости и протащили его почти 15 метров. Кроме того, Скляров отметил наличие вещественных доказательств: на шоссе была обнаружена лужа крови, и кровавые следы вели к кювету; тормозные следы на дорожном покрытии отсутствовали; земля была усеяна осколками разбитого лобового стекла; мобильный телефон Макеева марки Nokia и его видеокамера Sony исчезли. Скляров сообщил КЗЖ, что коллега, сопровождавший Макеева той ночью, был в состоянии крайнего испуга и вскоре после этого уволился с телеканала.

По сообщениям местной прессы, азовская милиция первоначально квалифицировала эту смерть как убийство по неосторожности в результате "нарушения водителем правил дорожного движения". Скляров сообщил КЗЖ, что 30 мая дело было передано в областную прокуратуру, которая отказалась предоставить информацию родным и коллегам Макеева. 17 августа пресс-секретарь прокурора Елена Великова объявила, что расследование прекращено ввиду "отсутствия доказательств преступления". По сообщениям местной прессы, в прокуратуре так и не установили личность водителя, сбившего Макеева, и не объяснили, как машина с разбитым лобовым стеклом могла проследовать незамеченной по шоссе мимо оборудованных видеокамерами блокпостов ГИБДД.

Тогда же Великова сообщила, что следствие вышло на человека, похитившего видеокамеру Макеева. Обвинений этому лицу не предъявлялось. В июле 2009 г. ростовская прокуратура официально сообщила КЗЖ, что расследование по делу будет возобновлено в связи с наличием нерешенных вопросов. Коллеги и друзья Макеева крайне скептически относятся к действиям милиции. "Очевидно, что милиция квалифицировала

смерть Павла как несчастный случай, даже не проведя тщательного расследования", - сообщил КЗЖ Складов. "Они очень невнимательно осмотрели место происшествия и не утрудились опросить десятки людей, которые находились там, когда это случилось. Им только это и надо было сделать, чтобы понять, что произошло, чтобы мы все - коллеги и родные Павла – так этим не мучались". ■

Жертвами убийц стали два энергичных журналиста—специалисты в своих областях и объективные репортеры. Подозрительные обстоятельства, при которых они погибли, до сих пор не расследованы полностью.

Что общего между внезапной таинственной болезнью, погубившей журналиста-расследователя Юрия Щекочихина, и предположительным самоубийством военного корреспондента Ивана Сафронова четыре года спустя?

Оказывается, общего много. Оба репортера погибли, освещая опасные темы, чреватые значительными последствиями для властей; жизнь обоих журналистов была оборвана при обстоятельствах, оставшихся не до конца объясненными и расследованными. Вещественные доказательства были утеряны, умышленно скрыты или проигнорированы; тем, кто хотел добиться правды, в том числе коллегам и родным погибших журналистов, отказали в доступе к материалам следствия.

Действительно ли Щекочихин, как решили власти, стал жертвой редкого, смертельного синдрома, явившегося побочным эффектом принятого лекарства? Действительно ли Сафронов выпрыгнул из окна с лестничной площадки своего дома, возвращаясь из продуктового магазина и только что обсудив с семьей планы на будущее?

Хотя власти утверждают, что в обоих случаях нет никаких доказательств состава преступления, коллеги и родные Щекочихина и Сафронова считают, что обоих убили за их журналистские расследования.

Щекочихин, 53-летний заместитель редактора независимой московской *Новой газеты*, активно занимался серьезными расследованиями. С 2001 г. и вплоть до своей смерти в 2003 г. он слой за слоем вскрывал сложную коррупционную

схему с участием некоей московской фирмы по торговле мебелью, "Лига Марс", и двух ее магазинов, "Гранд" и "Три кита". Щекочихин пользовался своим положением депутата Государственной Думы для того, чтобы получать доступ к официальным источникам и секретным документам, имевшим отношение к этому делу. Доступ к внутренней информации, профессионализм и бесстрашие позволили ему взяться за это расследование.

На первый взгляд, дело мало отличалось от многих других в России: фирму обвинили в контрабанде мебели с целью уклонения от уплаты таможенных пошлин. Однако о чрезвычайности дела говорила широта охвата и признаки того, что в нем замешаны высшие правительственные чины. В своих расследованиях Щекочихин обвинил фирму "Лига Марс" в отмывании денег и контрабанде нефти и оружия. (Государственное расследование продолжается до сих пор.)

Коррупцированная цепочка, как писал Щекочихин в своих статьях в *Новой газете*, включала высокопоставленных чинов МВД, Федеральной службы безопасности, Генеральной прокуратуры и Государственного таможенного комитета.

В опубликованной 18 февраля 2002 г. статье Щекочихин обвинил высший правоохранительный орган страны - Генеральную прокуратуру - в получении взяток в размере 2 миллионов долларов США в обмен на прекращение расследования. Он приводил цитаты из расшифровки записи подслушанного телефонного разговора, в котором сообщалось, что руководитель мебельной фирмы и неустановленное лицо собираются отомстить следователю МВД, который пытается вывести

мошенников на чистую воду. После публикации материала Щекочихину стали звонить и угрожать расправой. Он же бесстрашно продолжал свое расследование.

На протяжении следующих двух лет Щекочихин написал несколько статей, в которых прослеживалась коррумпированная цепочка, тянувшаяся за рубеж, в том числе к немецким, итальянским и американским концернам и Рособоронэкспорту - основному российскому экспортеру оружия. Идя по этому следу, Щекочихин критиковал российскую прокуратуру за то, что она, как ему представлялось, раз от разу намеренно игнорировала доказательства и не сотрудничала с международными партнерами.

В его последней статье на эту тему, опубликованной 2 июня 2003 г., Щекочихин рассказал о заказном убийстве ключевого свидетеля по этому делу в хорошо охраняемом московском военном госпитале и красочных угрозах, полученных председательствующим судьей по почте. К этому времени его возмущение бездействием правительства открыто звучало в его статьях:

"... только не повторяйте мне все эти сказки про независимость судей! .. пока дождешься этого настоящего суда, документы уголовного дела будут уничтожены, свидетели - запуганы или убиты, а сами следователи - или осуждены, или уйдут, отчаявшись пробить эту стену".

Через месяц после выхода статьи Щекочихин скончался, став жертвой неустановленного вещества, действие которого за несколько дней привело к полному отказу всех жизненно важных органов журналиста.

По словам редакторов *Новой газеты*, 17 июня 2003 г. Щекочихин заболел чем-то похожим на грипп во время своей недолгой командировки в Рязань. На следующий день к нему в московскую квартиру пришел врач, который диагностировал респираторную инфекцию и велел принимать лекарства,

которые можно купить без рецепта. В последующие несколько дней состояние здоровья Щекочихина резко ухудшилось, и 21 июня он был госпитализирован в московскую Центральную клиническую больницу. По словам редакторов, в течение следующих 12 дней с него буквально слезла кожа, у него выпали все волосы, и один за другим отказали внутренние органы. По словам врачей, у Щекочихина наблюдались симптомы крайне редкого синдрома Лайелла – острого дерматологического состояния, чаще всего имеющего лекарственное происхождение. 3 июля 2003 г. Щекочихин скончался.

Уверенные что журналист умер не от инфекции, которой мог заразиться естественным путем, *Новая газета* и родные Щекочихина обратились в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела. Сославшись на то, что история болезни Щекочихина и результаты анализов представляют собой "врачебную тайну", администрация государственной Центральной клинической больницы отказалась предоставить к ним доступ даже его родным. Возникла курьезная ситуация: в больнице говорили, что эти документы предоставят только в том случае, если прокуратура потребует их для приобщения к уголовному делу, а в прокуратуре утверждали, что без результатов анализов невозможно начать уголовное расследование.

Заместитель редактора *Новой газеты* Сергей Соколов сообщил КЗЖ, что в конце концов следователи Кунцевской межрайонной прокуратуры нашли выход из тупика и получили эти документы из больницы. Однако когда они передали их своему руководству вместе с заявлением о возбуждении уголовного дела, документы оказались утеряны, и в возбуждении уголовного дела было отказано. Кунцевская межрайонная прокуратура не отреагировала на просьбу

КЗЖ прокомментировать ситуацию. По словам Соколова, две другие московские прокуратуры также отказались возбудить уголовное дело, хотя история болезни к тому времени была уже утеряна.

По словам родных и коллег Щекочихина, им так и не показали историю болезни. По сообщению *Новой газеты*, утерянные документы найдены не были.

4 апреля 2008 г., почти через пять лет после смерти Щекочихина новая следственная группа Генеральной прокуратуры в Москве открыла уголовное расследование обстоятельств смерти редактора. (Следственный комитет был образован годом раньше в качестве органа, рассматривающего заявления о возбуждении уголовных дел, и его сотрудники в то время по-видимому заинтересовались возможностью расследования нераскрытых обстоятельств смерти журналиста.)

Соколов сообщил КЗЖ, что в ходе следствия тело Щекочихина было эксгумировано, приглашены специалисты для проведения токсикологической экспертизы останков и опрошен целый ряд свидетелей. По результатам этих мероприятий Следственный комитет прекратил уголовное дело о смерти Щекочихина. В его решении от 6 апреля 2009 г. говорилось: "При исследовании образцов ткани, ковра, трупа Щекочихина Ю.П., таллия, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, тяжелых металлов не выявлено. При таких обстоятельствах в ходе предварительного следствия не установлено фактов, указывающих на насильственный характер смерти Щекочихина Ю.П., в том числе на его отравление".

По словам Соколова, в распоряжении Следственного комитета находились только свидетельство о смерти и вторичные документы, но не подробная и составленная при жизни Щекочихина история болезни. Неизвестно, хранятся ли в Центральной

клинической больнице копии истории болезни Щекочихина и пытался ли комитет получить какие-либо относящиеся к ней документы. Следственный комитет не отозвался на просьбу КЗЖ прокомментировать ситуацию.

13 апреля 2009 г., через несколько дней после получения официального решения о закрытии уголовного дела о смерти Щекочихина, *Новая газета* выступила с обещанием продолжить битву за правосудие. В редакторской статье говорилось: "Терпения и упорства у нас хватит: мы ничего и никого из тех, кто препятствовал 5 лет расследованию, не забыли и свое расследование не прекратили".

Непродолжительное расследование не выявило состава преступления при выяснении обстоятельств наступившей 2 марта 2007 г. смерти 51-летнего Ивана Сафронова, полковника запаса российских космических войск и авторитетного военного корреспондента московского делового ежедневного издания *Коммерсантъ*.

По утверждению следствия и словам коллег, журналист выпал из окна лестничной площадки, расположенной между четвертым и пятым этажами его жилого дома. По словам заместителя редактора газеты *Коммерсантъ* Ильи Булавинова, в тот день Сафронов ходил в одну из московских клиник, где врач обрадовал его сообщением, что в лечении его язвы наметилась положительная динамика, затем отправился за продуктами, обсудил с семьей и друзьями планы и приехал обратно домой. Две студентки университета, проживающие в соседнем здании, услышали глухой звук удара и увидели Сафронова на земле под раскрытым окном. Купленные журналистом продукты были разбросаны в подъезде его дома на лестничной площадке между четвертым и пятом этажом. Сафронов умер на месте падения.

Таганская межрайонная прокуратура

Правоохранительные органы действуют в режиме, близком к секретному. Когда журналисты обращаются к неофициальным источникам, они сталкиваются с притеснениями или расправой.

Андрей Солдатов

Когда в 2000 г. мы с коллегой Ириной Бороган учредили *Агентуру* – сайт новостей и базу данных посвященных проблемам спецслужб, разведки и борьбы с терроризмом, мы таким образом надеялись заполнить информационный вакуум о деятельности спецслужб России. Мы хотели создать интернет-ресурс, который собирает из открытых источников и предоставляет пользователям информацию об этих государственных органах в систематизированном виде.

Первоначально мы собирались запустить российский вариант Проекта Федерации американских ученых по секретности в государственных учреждениях (Federation of American Scientists' Project on Government Secrecy). Под руководством Стивена Афтергуда, выигравшего по Закону США о свободе информации несколько исков против Центрального разведывательного управления и Национального бюро разведки, проект постоянно публикует документы, рассекречиваемые согласно указанному закону, в том числе неохотно предоставляемые этими ведомствами цифры бюджета и секретные постановления.

Вскоре мы с Бороган поняли, что создать модель американского проекта из *Агентуры* не получится. Во-первых, в России нет законов о свободе информации, поэтому постоянного притока рассекречиваемых документов у нас не будет. Поэтому мы решили публиковать в *Агентуре* главным образом публично-доступную информацию, хотя выяснили, что этот источник информации уже пересыхает: российские СМИ отказываются от расследований, сокращают бюджеты и штат. За прошедшее десятилетие многих опытных репортеров-расследователей уволили, а отделы расследований закрыли.

Ситуация осложнилась постепенным

сокращением в области общественно доступной информации: пресс-службы госорганов стали закрывать свои двери. К середине 2000-х годов Федеральная служба охраны разрешала внутри Кремля только фотосессии; в Главном разведывательном управлении – крупнейшем российском разведывательном ведомстве – вообще нет пресс-офиса; в Службе внешней разведки отказались комментировать какую-либо деятельность ведомства после 1961 г.; а Центр общественных связей Федеральной службы безопасности (ФСБ) не отвечает на запросы органов СМИ.

В начале этого десятилетия ФСБ создала потрясающую новую бюрократическую структуру, предположительно для того, чтобы информировать общественность, а на деле для ведения пропаганды. Вот как она работала: при Консультативном совете ФСБ была учреждена Комиссия по связям со средствами массовой информации, представлявшая собой группу консультантов из действующих и бывших сотрудников спецслужб. Руководителем Комиссии по связям со СМИ был назначен бывший агент внешней разведки Юрий Левицкий. Координатором работы комиссии стала специалист по общественным связям Ольга Костина, которая в свое время работала в ныне ликвидированном ЮКОСе. Через два бесплодных года комиссию без шума расформировали.

Однако имена Левицкого и Костиной не исчезли с общественного горизонта. В 2004 г. Левицкого, который помимо работы в ФСБ владел собственной частной охранной фирмой, обвинили в вымогательстве. Костина стала одним из основных свидетелей обвинения по делу ЮКОСа. В значительной степени на ее показаниях было построено обвинение в деле Леонида Невзлина, соучредителя этой нефтяной компании,

Продолжение на странице 36

который в конечном итоге бежал в Израиль. В марте 2005 г. бывшего начальника отдела безопасности ЮКОСа приговорили к 20 годам тюремного заключения после того, как он был признан виновным в сговоре с целью убийства Костиной и в двух других убийствах.

Этими расследованиями мы с Бороган и хотели заняться. Но если МВД иногда соглашается, пусть неохотно, сообщать определенные подробности о преступлениях, в которых замешаны его сотрудники, ФСБ это делать отказывается наотрез. В 2007г. мы готовили материал о преступлениях, совершенных сотрудниками служб безопасности и разведки. Официальный запрос в ФСБ результатов не дал, и мы обратились в Московский военный суд, где предположительно рассматриваются дела о преступлениях, совершенных агентами безопасности. Одновременно мы отправили запрос в военную прокуратуру, которая отвечает за расследование подобных преступлений, с просьбой предоставить статистические данные. В ответ мы получили от помощника военного прокурора письмо следующего содержания: "Запрашиваемая информация, согласно п. 3, ч. 2 статьи 4 Закона о государственной тайне ... представляет собой государственную тайну и поэтому разглашению не подлежит". Председатель Московского военного суда Александр Безнасюк ответил так: "Интересующие вас статистические данные касательно приговоров, вынесенных в отношении военнослужащих ... имеют гриф 'совершенно секретно'".

Таким образом, для расследования преступлений с вероятным участием агентов безопасности журналисты вынуждены обращаться к неофициальным источникам. Подобная тактика может навлечь на них обвинения в разглашении "государственной тайны", как это случилось со мной в 2002 г., когда меня четыре

Москвы сразу объявила смерть Сафронова самоубийством. Через несколько дней власти начали проверять версию о "доведении до самоубийства" по Статье 110 российского Уголовного кодекса, из чего следует, что Сафронова могли заставить выпрыгнуть из окна угрозами или силой. Однако в сентябре прокуратура вернулась к первоначальной версии о самоубийстве, утверждая, что Сафронов покончил с жизнью по "субъективным, личным причинам", которые не объяснялись. Это заключение по видимому основывалось главным образом на двух обстоятельствах: записи камеры видеонаблюдения, на которой журналист входит в подъезд один; и заявлениях соседей, которые говорили, что не видели и не слышали ничего подозрительного перед смертью Сафронова.

Остается неясным, почему было решено принять версию на основании этих двух доказательств. К примеру, в здании не было камер видеонаблюдения, которые могли бы зафиксировать какое-либо движение внутри помещения.

Ясно было одно: следователи серьезно не рассматривали профессиональную деятельность Сафронова в качестве возможного мотива для расправы. Исследовательская миссия КЗЖ, проведенная бывшим исполнительным директором Энн Купер, установила, что следователи не приходили в офис *Коммерсанта* и не проверяли записи и электронные файлы Сафронова. Последние телефонные разговоры Сафронова изучали его коллеги, а не следователи, они же опрашивали соседей и говорили с его врачом. Собранную информацию они передали следствию, которое однако не провело никакой проверки. В конце концов следователи формально опросили нескольких коллег журналиста, но, по словам редактора Булавинова, неохотно записывали даже названия государственных ведомств,

деятельность которых освещал Сафронов.

Среди тем, которыми занимался Сафронов, были достаточно опасные. В конце февраля 2007 г., незадолго до своей гибели, он вернулся из Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты), где освещал международную выставку, на которую съезжаются представители оборонной промышленности. По словам коллег Сафронова, из Абу-Даби журналист звонил в редакцию с информацией о предполагаемой продаже оборонных технологий Сирии и Ирану. Чтобы избежать критики со стороны Запада, продажа якобы осуществлялась через Беларусь. По сообщению *Коммерсанта*, за три дня до смерти Сафронов в частном порядке сообщил коллегам на пресс-конференции, что ему настоятельно посоветовали не публиковать часть материала. Как позже написал *Коммерсантъ*, Сафронова предупредили, что Федеральная служба безопасности (ФСБ) предъявит ему обвинение в разглашении государственной тайны. Он не уточнил, от кого именно исходило это предупреждение.

В декабре предыдущего года Сафронов поставил Министерство обороны в неловкое положение своим эксклюзивным материалом о третьем подряд неудачном пуске ракеты "Булава", которой должны были оснащаться новые подлодки. Военный обозреватель *Новой газеты* Павел Фельгенгауер сообщил КЗЖ, что без надежной ракеты подлодка потеряет свою военную ценность. По сообщениям прессы, Министерство обороны в панике распорядилось провести внутреннее расследование этой утечки информации. По словам Фельгенгауера, материал о "Булаве" мог стать причиной убийства Сафронова.

Коллеги, родные и друзья Сафронова полагают, что у него не было никаких "субъективных, личных причин" для самоубийства: он не был болен ничем серьезным, собирался стать дедушкой, готовился к поступлению сына в университет,

раза допрашивали в ФСБ из-за статьи, в которой я задавался вопросом о легитимности практиковавшегося этим ведомством предоставления услуг в обмен на роскошные квартиры.

Хуже того: такая секретность может увеличить риск физической расправы. Из опыта работы с *Агентурой* мы знаем, что от характера материала зависит вероятность того, что журналисту буду мстить: критиковать какое-либо ведомство вообще более безопасно, чем конкретного сотрудника. В большинстве случаев ведомство мстит, оставаясь в рамках законности. Однако последствия могут быть гораздо тяжелее, если на журналиста ополчится недовольный сотрудник. Это чревато физической расправой, причем заложенная в органах безопасности склонность к секретности сильно затрудняет расследование таких нападений и суд над виновниками. ■

Андрей Солдатов, учредитель и редактор Агентуры (www.agentura.ru), является одним из ведущих экспертов по российским службам разведки и безопасности. Солдатов и Ирина Бороган работают над книгой о российских секретных службах, которая должна выйти в свет в 2010 г.

не имел крупных долгов, пользовался уважением коллег и любовью домочадцев, и на вид пребывал в хорошем расположении духа. Предсмертной записки он не оставил.

Коллеги Сафронова сообщили КЗЖ, что его, как военного корреспондента, вызывали в ФСБ по нескольку раз в год, подозревая в "разглашении государственной тайны". В ходе следствия ни сотрудников Министерства обороны, ни сотрудников ФСБ, с которыми у Сафронова были напряженные отношения, не допрашивали.

11 сентября 2007 г. *Коммерсантъ* получил официальное уведомление из прокуратуры Центрального административного округа г. Москвы, что уголовное расследование обстоятельств смерти Сафронова прекращено ввиду невозможности найти виновных. *Коммерсантъ* опубликовал следующую цитату из постановления

прокуратуры: "В своей профессиональной деятельности И. И. Сафронов освещал достаточно острые, но все же распространенные и муссируемые другими информационными источниками темы. Своими публикациями он вряд ли причинял существенный вред чьим-либо интересам, в том числе и государственным". По сообщению *Коммерсанта*, членов семьи Сафронова, в том числе его вдову Елену, о прекращении дела никто не уведомил.

Днем позже Булавинов с горечью написал в *Коммерсанте*: "Насколько я знаю, следователь так и не допросил ни одного чиновника или промышленника, с которыми общался Иван Сафронов. Очевидно, что прокуратуру просто не интересовало, над чем он работал в последнее время, какие темы разрабатывал и кому какие вопросы задавал. Мы так и не узнали, что же случилось с Иванычем". ■

Может ли президент Медведев положить конец нападениям на прессу, не справившись с коррупцией в правоохранительных органах? Два дела показывают, насколько переплетены эти проблемы.

После прихода в власти в 2008 г. президент Дмитрий Медведев пообещал начать борьбу с коррупцией в государственных структурах и добиться тщательного расследования убийств журналистов. Хотя, казалось бы, Медведев говорил о двух разных проблемах, коррупция и нападения на прессу в России временами сливаются в одну беду. Два дела стоят особняком в череде нераскрытых убийств.

41-летний Максим Максимов исчез в центре Санкт-Петербурга в июне 2004 г., во время своей работы над материалом о предполагаемой коррупции в органах МВД. Власти приостановили официальное расследование, по-видимому не приняв во внимание достойную доверия информацию о возможной причастности сотрудников МВД к исчезновению Максимова. В августе 2008 г. 37-летний Магомед Евлов был убит выстрелом в голову после задержания сотрудниками МВД в Ингушетии. Следствие пришло к заключению, что смертельный выстрел из пистолета был произведен одним из милиционеров случайно, однако очень многие вопросы остались без ответа.

Эти дела иллюстрируют более масштабную борьбу за поддержание власти закона. Эффективное пресечение безнаказанности нападений на прессу, требует от Кремля агрессивной борьбы с коррупцией в правоохранительных органах.

Максим Максимов— журналист Санкт-петербургского еженедельника *Город*, куда он пришел из Агентства журналистских расследований (АЖУР)—был известен своими материалами о коррупции

в правоохранительных органах и о заказных убийствах местных политиков. 29 июня 2004 г. он вышел из редакции, направился на встречу с источником в центре города и больше не вернулся, его коллеги сообщили КЗЖ. Спустя две недели Санкт-петербургские власти начали расследование таинственного исчезновения журналиста.

Как сообщил КЗЖ главный редактор *Города* Сергей Балуев, следствие рассматривало ряд версий, включая сделку с недвижимостью и возможный угон автомобиля. По словам Балуева, через несколько недель выяснилось, что имущество Максимова, его машина и сбережения пребывают в полной сохранности, однако следователи почти не проявили интереса к записям журналиста и его разговорам с коллегами.

К началу 2005 г. сотрудники АЖУРа разработали на первый взгляд важную версию преступления. Евгений Вышенков, заместитель директора АЖУРа, рассказал КЗЖ, что он и его сотрудники говорили с двумя людьми, которые имеют отношение к исчезновению Максимова. Как выяснил АЖУР, перед своим исчезновением Максимов изучал сообщения о коррупции в местном отделении МВД, известном под названием Оперативно-розыскное бюро. В своем расследовании он продвинулся достаточно далеко, что позволило ему обратиться за комментариями к сотрудникам ОРБ.

Вышенков сообщил КЗЖ, что беседовал с человеком, которому по его словам заплатили за то, чтобы он заманил журналиста в местную сауну под предлогом "деловой встречи". Этот человек сообщил Вышенкову, что в сауне их— его самого и Максимова—ждали двое сотрудников МВД и еще два

РАВНОДУШИЕ ОБЩЕСТВА ПАГУБНО ДЛЯ ПРЕССЫ

Журналисты и просто граждане, открыто выражающие недовольство злоупотреблениями государственных чиновников, беззащитны перед ними. Если на них нападают или подают в суд, они фактически не могут рассчитывать на поддержку общества.

Мария Липман

Свобода прессы как элемент демократической политики неотделима от политической свободы и общественного менталитета. Сами по себе СМИ не могут повлиять на ситуацию, если политическая власть монополизирована руководством, а общество разобщено и равнодушно.

Не все российские СМИ подконтрольны государству. В то время, как массовые средства информации – в первую очередь государственные телеканалы – превращаются в орудия пропаганды, несколько органов с более скромной аудиторией – печатные, электронные, радио, и даже небольшие телеканалы – проводят относительно независимую редакционную политику. Некоторые из них по мере сил обличают злоупотребления государственных чиновников властью; другие занимаются преимущественно критическим анализом и выражением негодования.

Кремль не стремится к тому, чтобы заткнуть рты всем и каждому, да это и не нужно: в жестко контролируемой политической среде независимые СМИ не влияют на политику, а следовательно не представляют угрозы для правительства. За последнее десятилетие российская политическая оппозиция подверглась

человека. Соучастник преступления рассказал Вышенкову, что, покинув помещение по приказу четверых, он слышал, как они начали избивать Максимова.

По словам Вышенкова, впоследствии он также встретился с одним из нападавших, бывшим заключенным, который сообщил ему, что он и его сообщники задушили Максимова, положили труп в багажник автомобиля и отправились на двух машинах в лес на окраине Санкт-Петербурга. По словам Вышенкова, в ходе беседы он узнал, что в лесу милиционеры приказали своим сообщникам подождать их, а сами уехали вместе с телом дальше; по возвращению сотрудников ОРБ через полчаса, тела Максимова в багажнике их машины уже не было.

АЖУР сообщил о полученной информации в областную прокуратуру. Вышенков рассказал КЗЖ, что он убедил сообщников милиционеров рассказать следователям всё, что им известно об убийстве журналиста. По словам Николая Сиротинина, адвоката семьи Максимова со стажем работы в качестве следователя прокуратуры, информация АЖУРа была достаточно убедительной для проведения официального расследования. Однако прокуратура не проявила особенного интереса к ее проверке. Сиротинин сообщил КЗЖ, что следователи не объясняли ему какие версии они проверяют.

А.В. Зайцев, руководящий сотрудник следственного комитета в Северо-Западном федеральном округе, сообщил КЗЖ в письменном заявлении, что его подчиненные все же проверили информацию о предполагаемом участии сотрудников милиции в убийстве Максимова. Зайцев однако не сообщил, что именно следователи предприняли или установили. Двум сотрудникам ОРБ, упомянутым в информации АЖУРа, были предъявлены обвинения в подделке документов, лжесвидетельстве и злоупотреблении должностными полномочиями

по другому делу (впоследствии их оправдали), но не по делу Максимова.

Скоординированный поиск Максимова или его тела был предпринят лишь весной 2007 г., и то по настоянию его родных. По словам Сиротинина, он ездил в Москву уговаривать бывших коллег в Генеральной прокуратуре прислать в помощь следствию группу криминалистов. Поиск однако результатов не принес.

По словам Сиротинина, он просил следователей показать ему материалы дела, но ему было отказано в доступе. Российский процессуальный кодекс даёт право следователям решать по своему усмотрению вопрос о предоставлении информации о ходе следствия родным и адвокатам жертвы; родные получают право на доступ к материалам дела только после официального завершения расследования. По словам Зайцева, расследование было приостановлено в 2008 г., но не прекращено официально, что до сих пор мешает родным Максимова получить доступ к следственным материалам.

Римма Максимова, мама погибшего журналиста, сообщила КЗЖ, что пыталась убедить ряд чиновников пересмотреть дело. Одна из ее последних встреч, предпринятая в марте 2009 г., закончилась довольно печально: прокурор сказал ей, что "дело бесперспективное". Единственное на что решились пойти власти—это признание Максимова официально погибшим по просьбе его родных. Дзержинский районный суд Санкт-Петербурга сделал это 30 ноября 2006 г.

Магомед Евлоев, издатель независимого новостного вебсайта Ингушетия, к лету 2008 г. был уже весьма известным человеком далеко за пределами региона. Его информационный ресурс, который многие считали надежным источником информации в этой жестко контролируемой

радикальной маргинализации, а система демократических сдержек и противовесов превратилась в банальную вывеску. В отсутствии политической свободы функция СМИ сводится к простому освещению новостей, а их миссия—требовать от властей отчета перед общественностью—оказывается невыполнимой.

Контролируемая политическая среда и посягательство государства на общественную сферу, включая СМИ, представляют проблему сами по себе. Ситуацию усугубляет раздробленность и пассивность российского общества. Опыт таких стран, как Югославия при Слободане Милошевиче или Украина при Леониде Кучме, показывает, что при наличии у людей стимула и организации силы оппозиции могут изменить положение дел, несмотря на ограничения в деятельности СМИ. Однако в России даже продвинутые и критически настроенные аудитории альтернативных новостных органов бездействуют и по-видимому не возражают против того, что правительство не допускает их к участию во внутренней политике.

В обществе фактически отсутствует опыт социальной организации и стремление к ней, а значит и общественная солидарность. Государство традиционно доминирует над обществом, и люди не считают себя силой, которая может попробовать призвать правительство к ответу. Результат – повсеместное злоупотребление властью, вездесущая коррупция и пренебрежительное отношение к закону.

Журналисты, адвокаты и общественные активисты, выступающие против нарушений правосудия и прав человека или злоупотреблений государственных чиновников должностными полномочиями,

Продолжение на странице 42

беззащитны. Соотечественники их усилий не ценят. Если на них ополчается государство, на общественную поддержку и юридическую защиту им рассчитывать фактически не приходится.

Россия имеет печальную славу страны, в которой расправы с журналистами и их убийства – не редкость. При этом исполнителей и заказчиков этих убийств почти никогда не находят и не судят. Нет никаких сомнений в том, что такие журналисты, как Анна Политковская или Юрий Щекочихин (а подобных случаев гораздо больше), были убиты, потому что их публикации мешали интересам влиятельных чиновников и богатеев. Лишь за прошлый год пугающее число новых имен пополнило мрачный список убитых или искалеченных журналистов, правозащитников и адвокатов: Станислав Маркелов, Анастасия Бабурова, Михаил Бекетов, Вадим Рогожин.

И хотя нет доказательств того, что хоть в одном из этих заказных убийств исполнители действовали по приказу Кремля, манипулирующее судебными решениями в политических целях российское правительство все же несет ответственность за установившуюся атмосферу беззакония, в которой преступники действуют не страшась наказания. Когда исполнительная власть коррумпировала правосудие, преступники и их спонсоры получают возможность купить себе защиту от судебного преследования. Безразличие общества усугубляет проблему. Законопослушное государство не укоренится в России до тех пор, пока российское общество не организуется настолько, чтобы потребовать власти закона и отчета правительства перед общественностью. ■

Мария Липман, журналист и аналитик, является главным редактором журнала *Pro et Contra*, выпускаемого Московским Центром Карнеги.

южной республике, открыто публиковал информацию о коррупции в правительстве, нарушениях прав человека и череде нераскрытых случаев исчезновения людей. В интервью, данном КЗЖ в июне 2008 г., Евлоев рассказал, что в отместку власти подали против него свыше десяти исков, добиваясь закрытия *Ингушетии*. По словам Евлоева, особенно заинтересованными в закрытии его вебсайта были два высокопоставленных ингушских чиновника — президент Мурат Зязиков и министр внутренних дел Муса Медов. Давление и непрерывные угрозы на работников интернет-ресурса привели к тому, что редактор вебсайта была вынуждена покинуть страну в августе 2008 года.

Поэтому, когда 31 августа 2008 г. Евлоев и Зязиков оказались на борту одного и того же самолета, выполнявшем рейс из Москвы в столицу Ингушетии, Магас, и, как передавали в прессе, якобы поссорились в полете, Евлоев должен был ожидать негативных для себя последствий. С борта самолета он отправил СМС-сообщение одному из примерно двадцати встречавших его друзей: "Со мной летит Зязиков". Прежде чем он успел выйти из самолета, сотрудники МВД задержали Евлоева, посадили в милицейский "УАЗ", и отправились в Назрань. По сообщению Магомед Хазбиева, друга журналиста наблюдавшего за всем из здания аэропорта, наручников на Евлоева не надели и он не оказывал сопротивления.

По дороге в Назрань сотрудник МВД убил Евлоева выстрелом в голову. Через несколько часов власти заявили, что Евлоева застрелили случайно, когда он якобы попытался выхватить автомат у одного из трех сотрудников МВД, сопровождавших его в машине. Как выяснилось позже, убийцей журналиста оказался его однофамилец, Ибрагим Евлоев—офицер ингушского МВД, племянник и личный охранник министра внутренних дел республики Мусы Медова.

Потрясенные родные и друзья назвали официальную версию совершенно неправдоподобной, и не только они. Общественное негодование нарастало, и Москва решила вмешаться. 10 сентября 2008 года Александр Бастрыкин, глава Следственного комитета, приказал своим подчиненным в Ингушетии провести расследование, хотя как заметили критики, то что Бастрыкин назвал преступление непредумышленным убийством вероятнее всего предопределило результат следствия. По сообщениям газеты *Коммерсантъ* и информационного вебсайта *Кавказский узел*, месяц спустя подчиненные Бастрыкина в Ингушетии доложили о завершении расследования и сообщили, что Ибрагиму Евлоеву будут предъявлены обвинения в непредумышленном убийстве.

Какое же все-таки расследование провели власти?

Из материалов дела, полученных КЗЖ, следует, что следователи допросили Ибрагима Евлоева в день убийства журналиста. В своем заявлении милиционер написал, что незакованный в наручники и на вид спокойный журналист внезапно стал бороться с другим конвоиром. По словам Ибрагима Евлоева, "все это произошло в считанные секунды". "Я еще не до конца повернулся к Магомеду Евлоеву, когда он внезапно придвинулся к моему боку и задел мой пистолет, который в тот момент случайно выстрелил". Судебно-медицинская экспертиза, проведенная 15 сентября 2008 г., показала, что выстрел был сделан в упор, и пуля пробила журналисту висок.

Муса Плиев, бывший адвокат семьи журналиста, сообщил КЗЖ, что ни ему, ни семье журналиста не удалось выяснить, проводился ли следственный эксперимент для установления всех деталей преступления. Также остается неясным, были ли допрошены президент Зязиков и министр Медов,

находившийся в аэропорту в момент прибытия самолета. Из материалов дела следует, что следователи пытались вторично допросить Ибрагима Евлоева, однако безуспешно. Материалы дела свидетельствуют, что министр Медов сообщил следователям, что его племянник и два других сотрудника, находившихся с ним в "УАЗе" (их имена так и не были разглашены), покинули регион в соответствии с приказом министерства. Ни Зязиков, ни Медов не ответили на письменные вопросы, направленные им КЗЖ в мае 2009 г.

Той же осенью в результате общественного возмущения произошла перестановка в руководстве республики. В октябре Зязиков ушел в отставку, после чего был назначен советником президента Дмитрия Медведева. По сообщению в прессе, в конце 2008 г. Медова перевели в штаб-квартиру МВД в Москве. Несмотря на перемены в высшем руководстве, следствие по уголовному делу двигалось медленно. Обвиненный в непредумышленном убийстве Ибрагим Евлоев, которого также перевели в Москву, не присутствовал на первоначальном судебном процессе по делу об убийстве Магомеда Евлоева. СМИ цитировали слова его адвокатов, говоривших, что дело следует рассматривать за пределами Ингушетии ради безопасности их клиента.

В января 2009 г. Верховный суд Ингушетии постановил, что задержание журналиста проводилось без юридических оснований. (Предположительно он был задержан в качестве свидетеля по уголовному делу о взрыве.) По сообщению газеты *Коммерсантъ*, в феврале следователь ингушского МВД признался в письме к новому президенту Ингушетии, Юнус-Беку Евкурову, что подписал ордер на арест Магомеда Евлоева уже *после того*, как журналиста задержали и застрелили. В марте прокурор Ингушетии Юрий Турыгин объявил, что обвинения по этому делу никому предъявлены не будут. ■

Убийства поспешно классифицируются следствием как преступления на бытовой почве, а связь с профессиональной деятельностью жертв не рассматривается. Дела Натальи Скрыль и Вагифа Кочеткова были неверно классифицированы, а затем провалены.

Официальная российская статистика занижает количество убийств журналистов на почве мести. В некоторых случаях исключается злой умысел, в других игнорируется профессиональная деятельность погибших. В двух вопиющих делах следователи скоропалительно определили, что журналисты были убиты в ходе обычных уличных ограблений, никак не связанных с их работой.

В каждом случае имеются доказательства того, что нападавших почему-то не интересовали принадлежавшие жертвам ценности. Убийцы не забрали золотые украшения, бриллиантовое кольцо и наличные деньги. И в каждом случае следователи почти не отработывали версию профессиональной деятельности жертв, не знакомились с опубликованными материалами и записями журналистов, и не опрашивали их коллег.

Убийства 29-летней Натальи Скрыль и 31-летнего Вагифа Кочеткова, произошедшие с промежутком в три года в расположенных за сотни миль друг от друга местах, были классифицированы как ограбления и безрезультатно разбирались в суде. Их дела потеряли актуальность, а напуганные родственники журналистов разуверились в системе правосудия. В одном из этих случаев родственница жертвы, пытавшаяся добиться более тщательного расследования, сообщила, что ей настоятельно рекомендовали прекратить эти попытки.

В одиннадцатом часу вечера 8 марта 2002 г. бизнес-корреспондент ростовской газеты *Наше время* Наталья Скрыль шла с автобусной остановки домой после вечеринки у друзей.

Журналистка жила с родителями в Таганроге, промышленном городе на берегу Азовского моря. В последнее время она освещала борьбу за контроль над крупным таганрогским трубопрокатным заводом "Тагмет".

Подошедший сзади неизвестный мужчина стал избивать Скрыль трубой или каким-то другим тяжелым предметом. По сообщениям местной прессы, выбежавшие на крики соседи нашли Наталью лежащей в луже крови. Она была немедленно доставлена в городскую больницу, но на следующий день скончалась. Журналистка была так изувечена, что отец ее не узнал. Нападавший, которого свидетели описали как молодого человека с длинными черными волосами, не тронул ни денег в кошельке Скрыль, ни ее золотых украшений. Какие-либо признаки того, что хоть что-нибудь было похищено, отсутствовали.

Перед своей гибелью Скрыль опубликовала ряд статей о борьбе за управление "Тагметом". К марту 2002 г. тянувшийся два года конфликт достиг своего апогея: альтернативный совет директоров пытался сместить руководство; у завода была выставлена вооруженная охрана; директор фактически забаррикадировался в своем кабинете. В то время в Таганроге приватизация была в самом разгаре, и времена были беспокойные. Как сообщила в интервью, данном КЗЖ в 2005 г., главный редактор *Нашего времени* Вера Южанская, "заинтересованные стороны должны были поделить между собой крупные средства". По ее словам, многих известных людей в тот год находили мертвыми. Одного судью застрелили прямо в его кабинете; известного бизнесмена и сотрудника МВД обнаружили мертвыми, причем официально было объявлено, что

они покончили жизнь самоубийством; мэра расстреляли около его собственного дома.

В тот день, когда на Скрыль было совершено нападение, она сказала коллеге, что намерена встретиться с неким человеком, который располагает информацией по "Тагмету". По словам редактора Ирины Хансиваровой, работавшей рядом со Скрыль в отделе новостей, "Наталья не назвала его по имени, но упомянула, что он должен передать ей более подробные конфиденциальные сведения о "Тагмете"". Другой коллега Скрыль, Александр Пестряков, сообщил, что ее репортажи в предшествовавший гибели период становились все более подробными и критическими. По его словам, "Скрыль держала руку на пульсе "Тагмета"".

Первоначально сотрудники таганрогской прокуратуры отвергли версию убийства с целью ограбления, поскольку убийца не тронул ни украшений, ни денег Скрыль. Через пять дней после убийства таганрогские милиционеры объявили о задержании троих подозреваемых. Их однако вскоре освободили, а следствие по-видимому пошло в другом направлении. По одновременному сообщению радиостанции "Эхо Ростова", в конце июля 2002 г. следователи объявили, что убийство было совершено все-таки с целью ограбления и без всякой связи с профессиональной деятельностью Скрыль. Никаких объяснений такой смене направления расследования дано не было.

По словам Григория Бочкарева, одного из бывших коллег Скрыль, следователи не проводили тщательного опроса сотрудников редакции, а фоторобот подозреваемого вообще не был составлен. Хансиварова сообщила КЗЖ, что следователь один раз очень коротко побеседовал с ней, по ее оценке буквально две минуты. Сообщение Хансиваровой о том, что Скрыль собиралась встречаться с человеком, который располагал

ПО ИХ СЛОВАМ

"Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства... Каждый имеет право на жизнь... Каждому гарантируется свобода мысли и слова".

—Конституция РФ, Статьи 2, 20, и 29

"Что касается громких убийств, то... проблема преследования журналистов является одной из наиболее острых. И мы осознаем степень своей ответственности за это. Будем все делать для того, чтобы защитить журналистский корпус".

—Президент Владимир Путин, отвечая на вопросы российских и иностранных журналистов в ходе ежегодной пресс-конференции в Кремле, 01.02.2007 г.

"Эти преступления [убийства журналистов] политизированы и нередко являются заказными... Большое количество нераскрытых убийств прошлых лет — это недостатки оперативно-розыскной и следственной работы на первоначальном и последующих этапах расследования уголовных дел".

—Председатель Следственного комитета при Прокуратуре РФ Александр Бастрыкин в интервью *Новой газете*, № 50-51, от 18.05.2009 г.

Продолжение на странице 46

"Нужно с каждым этим случаем разбираться самым подробным образом, стараться находить преступников и привлекать их к уголовной ответственности. Только таким образом можно изменить ситуацию".

—Президент Дмитрий Медведев, отвечая на вопрос об атаках на журналистов, в Программе Эндрю Марра на телекомпании Би-Би-Си, 29.03.2009 г.

"Пока журналисты не могут свободно проводить расследования, Россию нельзя считать истинно свободной страной".

—Майкл Хлебников, брат убитого редактора Пола Хлебникова, в интервью агентству Франс Пресс 10.10.2006 г.

"В многомиллионном городе, напичканном видеокамерами, спецслужбами, охранными структурами и прочими атрибутами, якобы гарантирующими безопасность граждан, убийца чувствует себя увереннее, чем граждане".

—Валерий Яков, гл. редактор газеты *Новые известия*; 23 января 2009 г., комментарий редактора в ответ на убийство журналиста Анастасии Бабуровой и юриста по правам человека Станислава Маркелова.

"Он никогда не пытался скрыть свой страх. Он никогда не говорил, что не боится. Он просто говорил, что не может поступать по-другому".

—Ольга Лапицкая, вдова Алексея Сидорова, *The Washington Post*, 24.10.2003 г.

информацией о "Тагмете", следствие никак не заинтересовало.

По словам Южанской, к сентябрю 2002 г. расследование было закрыто ввиду отсутствия подозреваемых. После того как дело пролежало без видимых сдвигов почти три года, власти стали давать противоречивые ответы на вопросы групп по защите прессы.

В письме от 10 июня 2005 года Генеральная прокуратура сообщила московскому Фонду защиты гласности, что после рассмотрения всех имевшихся версий, следствие по этому делу в Таганроге было прекращено. Месяц спустя, после проведенной КЗЖ в Москве конференции, на которой родные и коллеги нескольких убитых журналистов выразили глубокую озабоченность действиями правоохранительных органов, генеральный прокурор России сделал заявление иного содержания. Расследование по делу Скрыль "продолжается", сообщила Генеральная прокуратура 11 июля 2005 г. в своем ответе на запрос КЗЖ.

Однако продолжается оно не активно, или по крайней мере уже не так активно. Запрос о предоставлении комментариев, сделанный КЗЖ в 2009 г., три раза передавался из одного следственного управления в другое, в том числе в ростовский следственный комитет. В июле 2009 года КЗЖ получил письменный ответ представителя комитета С.Г. Мартыненко, который сообщил, что активное расследование приостановлено. Подробности он не раскрыл.

Нелля Скрыль, мать журналистки, рассказала КЗЖ, что власти и ей ни о чем не сообщают. Особенное беспокойство вызвало ее признание, что она боится подробно обсуждать это дело. Ситуация видимо весьма изменилась с 2005 г., когда Нелля Скрыль приняла участие в конференции КЗЖ и открыто говорила об отсутствии результатов в расследовании убийства ее

дочери. Вместе с другими участниками она подписала публичную декларацию с призывом к российским властям обуздать убийц журналистов.

В апреле этого года в разговоре с сотрудником КЗЖ Нелля Скрыль сказала: "Мне один раз намекнули: пока все родственники живы, я бы не вмешивалась в это дело. Я и не хочу вмешиваться, потому что боюсь за своих родственников. Если бы меня спросили, я бы сказала – закройте это дело, и всем было бы безопасно". Она отказалась назвать имя человека, от которого исходило это предупреждение. Потом добавила: "Да и не будут его все равно расследовать. Вот если бы государство содержало бы пострадавших, то оно было бы заинтересовано в том, чтобы убийц и других преступников быстро находили, а так никто в этом не заинтересован. Листьева убили, Политковскую убили и что? Не нашли никого и не найдут, а ведь это очень известные люди, не то, что моя Наташа".

Около 11 часов ночи 27 декабря 2005 г. политический обозреватель тульской газеты *Молодой коммунар* Вагиф Кочетков возвращался домой после встречи с друзьями в кафе. Как сообщил КЗЖ редактор *Молодого коммунара* Александр Ермаков, на следующий день Вагиф должен был ехать в командировку загород и хотел собрать вещи. По сообщениям прессы и источников КЗЖ, Кочетков подходил к дому, когда нападавший (или нападавшие) нанес ему удар тупым предметом по голове и забрал его сумку и мобильный телефон; денег и бриллиантового кольца Кочеткова никто не тронул. Отчим Кочеткова Юрий Байков сообщил КЗЖ, что в сумке находился паспорт журналиста, журналистское удостоверение, кредитная карта и рабочие материалы. (По словам Байкова, три месяца спустя сумку обнаружила уборщица в подвале соседнего дома. Из ее содержимого не пропало ничего,

"Мои глаза открыты, и это реальная составляющая моей работы—писать, ездить и рисковать. Когда меня хотят отравить, избить или убить, в этом приятного мало. Это риск, но такова жизнь".

—Анна Политковская, в интервью с *The Herald of Glasgow*, 22.10.2004 г.

"Российский президент ясно дал понять, что для раскрытия этого преступления будет сделано все. ... Я думаю, что это очень важный и нужный знак того, что свобода освещать события и писать является важной частью жизни стран, в которых развивается демократия".

—Канцлер Германии Ангела Меркель, говоря об убийстве Политковской на пресс-конференции с Владимиром Путиным 10.10.2006 г.

"Мы понимаем, что убийство было организовано на очень высоком уровне. Теми, кому Политковская мешала своими публикациями".

—Каринна Москаленко, адвокат семьи Политковской, *Новые известия*, 17.02.2009 г. В том месяце были оправданы трое обвиняемых в этом убийстве. ■

кроме журналистских материалов.)

Около 2 часов ночи 28 декабря соседи обнаружили Кочеткова лежащим на земле в бессознательном состоянии. Они привели его в чувство и помогли добраться домой. Кочетков не вызывал скорую помощь, и не сообщил о нападении в милицию; он также не сказал родителям, узнал ли он нападавшего.

Байков сообщил КЗЖ, что когда на следующий день Кочетков обратился в больницу, врачи нашли у него две гематомы и сказали, что его жизни ничто не угрожает. Однако 1 января 2006 г. состояние Кочеткова начало ухудшаться. 5 января ему сделали операцию на головном мозге, он впал в кому и через три дня скончался. По сообщениям в прессе и данным КЗЖ, вскрытие установило у него перелом основания черепа, сотрясение мозга, множественные травмы груди и другие повреждения.

7 января 2006 г. родители Кочеткова Юрий и Валентина Байковы сообщили о нападении на сына в правоохранительные органы, и тульская милиция начала уголовное расследование. Через два дня органы сообщили о том, что у следствия есть подозреваемый.

3 апреля 2006 г. тульская прокуратура объявила, что расследование завершено и установлено, что Кочеткова убили при ограблении, и предъявила обвинения в ограблении и убийстве прежде судимому за разбой жителю Тулы 26-летнему Яну Стаханову, которого местная пресса туманно описала как предпринимателя. Как сообщили КЗЖ родные и коллеги Кочеткова, следователи не расспрашивали его коллег о его недавних журналистских заданиях и не интересовались электронными файлами и записями репортера. Хотя перед убийством Кочетков занимался опасной тематикой, следствие по видимому отнеслось к его материалам без интереса.

Непосредственно перед нападением

Кочетков опубликовал статью в *Труде* (он был местным корреспондентом этой московской газеты) о деятельности тульской наркомафии. Статья под заголовком "Месть мафии?" вышла в *Труде* 16 декабря 2005 г.. За полгода до этого, 17 июня 2005 г. *Молодой коммунар* опубликовал другую статью Кочеткова, в которой журналист критиковал методы работы тульской фармацевтической фирмы "Протек".

Журналисты *Молодого коммунара* сообщили московскому интернет-изданию *Newsinfo*, что Кочеткову угрожали по телефону в связи с его статьями. Однако и родители, и коллеги сказали, что Кочетков обычно не делился с ними своими страхами.

Суд над Стахановым начался 17 апреля 2006 г. в Пролетарском окружном суде г. Тулы. По сообщениям местной прессы, ходили слухи, что Стаханов сознался в убийстве на предварительном следствии, но впоследствии заявил, что признание у него вынудили силой в милиции.

По сообщению Юрия Байкова, который официально представлял в суде родных Кочеткова, показания Стаханова могли быть вынужденными или добровольными, но в них присутствовали противоречия. Первоначально Стаханов утверждал, что ударил Кочеткова один раз и забрал у него мобильный телефон и сумку, которую выбросил в местную реку; в последующем заявлении он сказал, что ударил Кочеткова несколько раз, забрал его телефон, а сумку бросил в какой-то подвал неподалеку от места нападения.

По словам Байкова, даже если бы Стаханов не вызывал сомнений в качестве подозреваемого, естественно было бы предположить, что расправу заказал кто-то другой. "Я не верю, что этот человек напал на моего сына из-за телефона", - сообщил Байков КЗЖ в апреле. "Этого человека на суде защищали 2 адвоката ... Зачем ему, человеку, у которого есть машина, работа, телефон

моего сына ...? Но милиция сразу заявила, что это 'бытовуха'. Другой версии даже не рассматривалось". По его словам, в следствии имелись и другие пробелы, в частности не было изучено содержание жесткого диска компьютера, на котором Кочетков работал дома.

В апреле 2008 г. судья Андрей Шмаков оправдал Стаханова, постановив, что доказательства, представленные обвинением, недостаточны.

На протяжении нескольких месяцев после оправдания Стаханова Байков безуспешно

апеллировал в тульский областной и Верховный суд. В ноябре 2008 г. он поехал в Москву на встречу с генеральным прокурором Юрием Чайкой и передал ему письмо, адресованное президенту Дмитрию Медведеву, в котором просил провести новое расследование. В апреле этого года Андрей Пономарев, занимающий руководящую должность в тульской прокуратуре, сообщил репортерам на пресс-конференции, что его ведомство проведет повторное расследование дела. "Сейчас очевидно, что настоящие преступники ушли от ответственности", - сказал Пономарев. ■

Два бесстрашных редактора, обличители преступности, будоражившие столицу российского автомобилестроения, Валерий Иванов и Алексей Сидоров, были друзьями и коллегами. Между их убийствами прошло 18 месяцев.

Перед журналистами, расследующими сообщения о коррупции среди прокуроров, судей и в органах МВД, стоит трудный вопрос: могут ли они пойти против тех самых чиновников, которые обязаны их защищать? Убийства одного за другим редакторов *Тольяттинского обозрения*, газеты, которая обличает преступность и коррупцию в волжском городе Тольятти, показывают всю глубину риска сопровождающего расследования возможной связи между криминалом и сотрудниками органов правопорядка.

Тольятти, город с 700-тысячным населением примерно в 950 километрах к юго-востоку от Москвы, известен на всю страну АвтоВАЗом—гигантом российского автомобилестроения занимающего 750 гектаров промышленных площадей. В начале 1990-х годов этнические бандитские группировки сражались на улицах города за доступ к доле в АвтоВАЗе, которая обещала им миллиарды рублей на ворованных запчастях и машинах, укрывании доходов и вымогательстве денег за "крышевание" автомобильных дилеров. Валерий Иванов и Алексей Сидоров познакомились в ту свирепую и бесконтрольную эпоху. По сведениям Терри Гулда, канадского журналиста, исследовавшего убийства тольяттинских редакторов, для своей вышедшей в 2009 г. книги *"Обречённые на смерть: погибая за репортаж в самых опасных точках мира"* (*Marked for Death: Dying for the Story in the World's Most Dangerous Places*), студенты самарского педагогического

института 21-летний Иванов и 19-летний Сидоров, вместе работали в студенческой газете в 1990-1991 учебном году.

Это было интереснейшее, но беспорядочное время для журналистов. Никто не запрещал им обличать деятельность преступных группировок и коррумпированных бюрократов, но они должны были заниматься этим без субсидий государства и поддерживаемой государством стабильности советской эпохи. Рассказывая о своем становлении, *Тольяттинское обозрение* писало, что в 1993 и 1994 гг. Иванов и Сидоров делали материалы о местной преступности и коррупции для ряда газет и журналов в Самаре и Тольятти. У Иванова были и более амбициозные планы: большую часть 1995 г. он потратил на поиски средств для запуска своей собственной газеты, в конце концов открыв автосалон и турагентство, доходы от которых он пустил на выпуск смелого нового издания под названием *Тольяттинское обозрение*.

В интервью КЗЖ сестра редактора Стелла Иванова вспоминала: "Газета была создана для проведения расследований, для поиска политической, социальной, и криминальной тематики и ее освещения". Первое месячное издание *Тольяттинского обозрения* вышло в сентябре 1996 г., как раз перед муниципальными выборами. Гулд пишет в своей книге, что хотя кто-то вломился в помещение редакции *Тольяттинского обозрения* и похитил технику и документы, редакторы все же выпустили газету с критическим разбором кандидатов. Номер газеты стал местной сенсацией.

Так как популярность газеты и заказы на рекламу начали возрастать, главный редактор Иванов и его заместитель Сидоров взяли на работу решительно настроенных репортеров для публикации материалов обличающих коррупцию и преступность. Сотрудники газеты рассказали КЗЖ, что в результате серии критических статей у издания появились влиятельные враги, начали поступать угрозы и обвинения в клевете, а журналистов время от времени стали допрашивать сотрудники МВД и ФСБ. Органы интересовались источниками информации.

По сообщениям в прессе, на муниципальных выборах 2000 г. Иванов получил место в тольяттинском городском совете и был назначен председателем комитета проверявшего городские подряды на предмет коррупции. Он не стеснялся использовать свое политическое положение в журналистских целях. Гулд пишет, что благодаря доступу Иванова к административным документам для внутреннего пользования *Тольяттинское обозрение* в декабре 2001 г. сообщило, что город покупает топливо для городских автобусов по ценам выше рыночных, при том что водителям этих автобусов не платят зарплаты. Статья спровоцировала политический кризис, поскольку водители автобусов объявили забастовку, и рабочие АвтоВАЗа не могли попасть на работу.

Гулд подробно излагает, как в 2002 г. Иванов, руководя изданием *Тольяттинского обозрения*, тогда уже ставшего ежедневной газетой, пришел к выводу о том, что коррумпированные должностные лица играют наиболее значительную роль в местной преступности. Как сообщили КЗЖ коллеги Иванова, они начали серьезно опасаться за его безопасность так как журналист в своих материалах освещал предполагаемые финансовые связи между местными

ПРАВОСУДИЮ НЕТ МЕСТА

*В промышленном городе,
разделенном на две половины,
коррупция и преступность
укоренились, а для правосудия места
не осталось.*

Энн Купер

Тольятти – разделенный город. Его советские отцы-основатели так и хотели: образцовый крупный промышленный город, идеально спланированный, с огромной зеленой зоной, раскинувшейся между его промышленным и жилым районами. Может быть в этом был какой-то производственный смысл, но для населения это значит, что нужно беспрестанно ездить взад и вперед через этот спланированный в советские времена лес, который соединяет две половины города. В какой бы точке Тольятти вы ни находились, у вас уйдет добрый час на то, чтобы добраться до следующей точки, по другую сторону зеленой зоны, где двухполосные дороги запружены тысячами "Лад", которые производятся в этом городе на старом заводе АвтоВАЗ.

Приехав в Тольятти в 2004 г. в поиске ответов на вопросы КЗЖ, я сразу же и очень остро почувствовала физическую разделенность города. Менее очевиден поначалу был другой, более глубокий раскол – раскол между старой, косной, репрессивной советской системой и новым российским миром зарождающейся демократии и свободы слова. Именно схватка между этими двумя мирами и привела нас в Тольятти.

В городе были убиты двое редакторов одной и той же газеты: в 2002 г. Валерий Иванов, а всего 18 месяцев спустя Алексей Сидоров. И редакторы, и их газета безусловно принадлежали новому миру: когда в 1996 г. они учредили *Тольяттинское обозрение*, это были молодые, бесстрашные, брызжущие постсоветским оптимизмом

Продолжение на странице 52

люди. В парализованном мафиозным насилием городе они не боялись ничего.

Мы с Алексом Люписом, в то время координировавшим евразийскую программу КЗЖ, провели не один час с людьми нового мира: родными и коллегами Иванова и Сидорова, которые невзирая на страх продолжают выпускать свою газету. Редакционная политика стала более осторожной; родные разуверились в правосудии. Это были печальные встречи, почти что сеансы терапии, и мы по мере сил старались найти слова утешения и надежды.

Выходя из помещения редакции и квартир, в которых жили родные убитых, мы попадали в другой Тольятти - официальный мир, в котором эти убийства должны быть раскрыты, убийцы - предстать перед судом, а город - стать безопасным для расследующей журналистики.

Такого мира мы найти не смогли. Напротив, мы сталкивались с чиновниками, которые, казалось, все еще живут в Советском Союзе брежневских времен. Мэр города Николай Уткин согласился встретиться с нами, но потом передал, что "слишком занят", - универсальный предлог чиновников, уклоняющихся от разговора на трудные темы.

Нам удалось встретиться с Сергеем Корепиным, следователем по делу об убийстве Сидорова. Отдел Корепина подготовил шаткую версию с заводским рабочим в качестве убийцы, которого как раз судили во время нашего пребывания в Тольятти по обвинению в том, что он зарезал Сидорова ножом. По версии отдела Корепина убийство произошло в ходе случайной уличной ссоры между этими двумя мужчинами. В качестве мотива предлагалось следующее: якобы Сидоров отказался поделиться с незнакомцем водкой.

Корепин заверил нас, что несмотря на абсурдную фабулу

политиками и преступниками. По словам сотрудников *Тольяттинского обозрения*, в апреле Иванов взялся за тщательную проверку информации о том, что местные сотрудники правоохранительных органов присвоили имущество известного бандита Дмитрия Рузляева, убитого в 1998 г. Этот материал он так и не закончил.

По сообщениям местной прессы, около 11 часов вечера 29 апреля 2002 г., когда Иванов садился в машину перед своим домом, неизвестный несколько раз в упор выстрелил ему в голову.

Очевидцы видели, как некий мужчина лет 25 - 30 подошел к машине Иванова и расстрелял его из пистолета, снабженного глушителем, после чего скрылся с места преступления бегом.

Первоначально власти объявили, что отрабатываются версии преступления, связанные с работой Иванова в городском совете, с его журналистикой, а также с возможными происками конкурентов. "Прокуратура и милиция активно занимались этим делом, мне кажется, очень недолго, месяца два-три", - сообщила КЗЖ вдова редактора Елена Иванова. "Я думаю, что они не слишком стремились раскрыть его".

Как сообщили КЗЖ журналисты *Тольяттинского обозрения*, вскоре следствие сосредоточилось на версии, связанной с происками предполагаемых конкурентов. По сообщениям в прессе и данным КЗЖ, власти предположили, что конкурирующая медиа-компания заказала Иванова некому лидеру преступной группы, а этот лидер в свою очередь поручил ликвидацию другому человеку. По официальной версии, после убийства Иванова его убийца скончался от передозировки наркотиков. Обвинения никому предъявлены не были.

"Они попытались свалить это убийство на какого-то мертвого наркомана", - сообщила КЗЖ Римма Михарева, заместитель редактора

Тольяттинского обозрения. По ее словам, проведенное газетой расследование позволило заключить, что официальная версия неправдоподобна.

Год спустя, на фоне явного простоя в расследовании, члены семьи Иванова решили встретиться с заместителем самарского прокурора Евгением Новожиловым, который в то время вел дела в Тольятти. Родственники сообщили КЗЖ, что Новожилов не хотел обсуждать подробности дела. В 2004 г. в интервью с КЗЖ Новожилов сказал, что не обязан предоставлять подобную информацию. На письменные вопросы, направленные КЗЖ в июне 2009 г. в тольяттинскую прокуратуру, ответов получено не было.

Адвокат семьи Иванова Карен Нерсисян сообщил КЗЖ, что между 2004 и 2006 гг. трижды официально пытался ознакомиться с материалами следствия, но каждый раз ему отказывали в доступе. Российский процессуальный кодекс разрешает следователям по своему усмотрению решать вопрос о предоставлении допуска к информации о ходе расследования родным и адвокатам жертвы. "Нам так и не удалось выяснить, какие возможные версии этого преступления они расследовали и сделали ли они вообще хоть что-то", - сказал Нерсисян, которому позднее пришлось представлять семью Сидорова при столь же трагических обстоятельствах.

Сидоров заменил своего убитого коллегу, поклявшись довести до конца неоконченную статью Иванова, найти его убийц и продолжить выпускать газету в том же жестком редакционном стиле. В конце концов, как сказал Сидоров в интервью *Нью-Йорк Таймс*, "Всех нас они не убьют". Коллеги Сидорова рассказали КЗЖ, что ему начали угрожать уже следующей осенью, и он отнесся к угрозам настолько серьезно, что нанял

человек, которому было предъявлено обвинение, действительно совершил это убийство. По его словам, оно было совершено просто "из хулиганских побуждений" и не имело ничего общего с разоблачительной журналистикой Сидорова. Он также сообщил нам, что не считает нужным допрашивать двух свидетелей, которые утверждали, что у этого обвиняемого рабочего есть алиби. А где же они раньше были, спрашивал Корепин.

Аналогичное отношение продемонстрировал нам заместитель областного прокурора Евгений Новожилов. У Новожилова за плечами имелся 32-летний стаж прокурорской деятельности, что означало, что весь его опыт был накоплен в советскую эпоху. Он признался, что не привык разговаривать с представителями прессы вообще, а с правозащитниками типа нас и подавно.

По мнению Новожилова, журналисты не должны публиковать никаких материалов о судебных процессах до вынесения приговора; с публики вполне хватило бы заметки о результате с парой-тройкой подробностей. На протяжении значительной части встречи Новожилов высказывал свои соображения о новостных СМИ. По его мнению было бы лучше всего, если бы журналисты спокойно дожидались, пока официальные лица раздадут пресс-релизы, а потом более или менее дословно пересказывали их своим аудиториям—чем по большей части они и занимались в советское время.

Линия раскола прослеживалась более чем четко: если Иванов и Сидоров воплощали новые демократические надежды России, Новожилов представлял авторитарную систему, которая все еще контролировала институты правосудия. Мы уезжали, сильно сомневаясь в том, что в делах тольяттинских редакторов правосудие когда-либо восторжествует.

Продолжение на странице 54

Четыре месяца спустя местный судья оправдал заводского рабочего и охарактеризовал версию обвинения как бездоказательную. Аккуратно сшитое Корепиным объяснение убийства Сидорова было признано сфабрикованным. До настоящего торжества правосудия все равно было далеко, но по крайней мере те, кто хотел посмеяться над ним, не смогли отпраздновать свою циничную победу. ■

Энн Купер, бывший исполнительный директор КЗЖ, координирует отделение вещания высшей школы журналистики Колумбийского университета.

телохранителя и дважды ненадолго уезжал из Тольятти. Однако, по словам коллег и родных Сидорова, он несмотря ни на что продолжал выпускать газету в том же следственном ключе, освещая криминальную структуру владения местных предприятий и расследуя обвинения судей в коррупции.

Как сообщили КЗЖ коллеги Сидорова, он продолжал работать над незаконченным расследованием Иванова, отыскивая финансовые документы, по которым, как он полагал, можно было связать сотрудников МВД с пропавшим имуществом Рузляева. По сообщениям местной прессы, вечером 9 октября 2003 г. Сидоров сказал коллеге, что получил важные документы и готов закончить статью. С документами в руках он отправился домой встречать гостей.

Когда Сидоров подходил к своему дому примерно в 9 вечера, за ним шли трое мужчин, писала местная пресса со ссылкой на свидетелей. Один из преследователей нагнал редактора и нанес ему несколько ножевых ранений в грудь, после чего стал быстро обыскивать журналиста. Сидоров скончался от потери крови на руках у жены, которая услышала его крики о помощи и бросилась вниз к подъезду. К тому времени нападавшие скрылись вместе с документами.

Сначала милиция и прокуратура расценили убийство Сидорова как заказное в отместку за его публикации, но вскоре изменили свою официальную позицию и классифицировали произошедшее как обычное хулиганство. Как сообщили коллеги Сидорова, 12 октября 2003 г. местные милиционеры задержали 29-летнего Евгения Майнингера, работавшего сварщиком на местном заводе, и допрашивали его в течение трех дней. Длительный допрос привел к признанию. Прокурор Новожилов заявил местным репортерам, что в тот вечер пьяный Майнингер наткнулся на Сидорова, потребовал у него водки и, получив отказ, в

ярости убил редактора.

Главный редактор *Тольяттинского обозрения* Сергей Давыдов, работавший в газете при Иванове и Сидорове, сообщил КЗЖ, что по его мнению на местные власти было оказано политическое давление с тем, чтобы это преступление классифицировалось как убийство из хулиганских побуждений. "Следователи и сотрудники местных правоохранительных органов получили невербальный, но недвусмысленный приказ держаться версии убийства 'из хулиганских побуждений' до окончания дела", - сказал он. Отец жертвы, Владимир Сидоров, добавил: "Многих свидетелей не полностью допросили; газетные статьи и электронные файлы были практически проигнорированы".

Не обращая внимания на скептицизм родных и коллег Сидорова, 21 октября прокуратура предъявила Майнингеру обвинение в убийстве. Обвиняемый не долго признавал свою вину: в ноябре Майнингер отказался от своих показаний и сказал, что его заставили себя оговорить. Нерсисян, адвокат родных жертвы, указал и на другие детали, подрывавшие позицию обвинения по мере того, как дело разворачивалось на протяжении следующего года. Так, заводские коллеги Майнингера сообщили, что милиция пыталась заставить их показать, что они видели обвиняемого с ножом, которым он якобы совершил убийство, за день до преступления. Очевидцы преступления также не могли с уверенностью сказать, что именно Майнингер убил Сидорова; в своих показаниях все они

говорят, что убийца был выше ростом, чем обвиняемый.

11 октября 2004 г. судья Андрей Кириллов оправдал 29-летнего Майнингера, заявив, что позиция обвинения бездоказательна. Нерсисян сообщил КЗЖ, что после этого оправдания он обратился в московскую прокуратуру с просьбой объединить дела Иванова и Сидорова и повторно расследовать их на федеральном уровне, где следствие будет менее подвержено политическому давлению. По его словам, в запросе было отказано. На письменные вопросы, направленные КЗЖ в июне в тольяттинскую прокуратуру, ответов получено не было.

Хотя о дальнейших успехах в расследовании этих дел не сообщалось, власти время от времени "наезжали" на *Тольяттинское обозрение*. В начале 2008 г., после того как газета поддержала кандидата в мэры от оппозиции, ее сотрудникам пришлось выдержать неожиданную налоговую проверку и вторжение милиции, сопровождавшееся конфискацией всех 20 компьютеров редакции. По словам милиционеров, компьютеры подлежали проверке на контрафактное программное обеспечение.

Коллеги убитого редактора говорят, что недоверие к местным правоохранительным органам настолько велико, что новые свидетели могут не решаться заявить о себе и дать показания по делу. "Даже если кто-то знает заказчика этого преступления, он не станет называть его следователям", - говорит главный редактор газеты Давыдов. ■

Журналистов, освещающих Чечню и соседние с ней республики Дагестан и Ингушетию, заставляют замолчать. Непрозрачные расследования их убийств приводят к росту общественного недоверия.

Северный Кавказ это опасное место и потенциально опасная тема для независимых журналистов. КЗЖ зафиксировал десятки случаев притеснений и нападений на журналистов, совершенных всеми сторонами конфликта в Чечне, по которой прокатились две войны, и в соседних с ней республиках, Дагестане и Ингушетии, с их непрекращающимися вспышками насилия.

Однако наиболее эффективным инструментом для затыкания рта журналистам и прочим критикам оказалось дуло пистолета. По подсчетам КЗЖ, с 2000 года как минимум семь журналистов было убито в России в отместку за свои репортажи о северокавказском регионе. В предыдущих главах описаны дела Пола Хлебникова, Анны Политковской и Магомеда Евлоева.

Журналисты Владимир Яцина, Магомедзагид Варисов, Тельман Алишаев и Анастасия Бабурова также освещали события в регионе, и также были убиты. Власти утверждают, что они установили несколько подозреваемых в этих преступлениях и убили некоторых из них. Однако коллеги и родные журналистов довольно скептически относятся к проведенным властями расследованиям. Их удручает непрозрачный характер расследований, противоречивые заявления, публично сделанные властями по некоторым из этих дел, и тот факт, что следователи и прокуроры вообще не информируют даже самых близких родственников жертв.

В середине июля 1999 г. 51-летний Владимир Яцина взял отпуск по месту своей работы в российском агентстве новостей

ИТАР-ТАСС и отправился на Северный Кавказ в качестве внештатного фотографа для сбора заказанных ему фотоматериалов о чеченских боевиках в Ингушетии. По сообщениям прессы и родных, Яцина поехал на Кавказ в сопровождении Магомеда Успаева, студента одного из московских ВУЗов и чеченцем по национальности, который должен был отвечать за техническую сторону поездки.

Про Успаева Яцина узнал от канадской фотожурналистки Хайди Холлинджер, как сообщил ее адвокат Николас Плурд. Как следует из письменного заявления, полученного КЗЖ от адвоката, Холлинджер сообщила Яцине, что с Успаевым она не была близко знакома и что следует навести о нем справки. После этого Холлинджер, по словам адвоката, больше не общалась ни Яциной, ни с Успаевым.

По сообщениям в прессе, когда фотограф и его сопровождающий приземлились в аэропорту в Ингушетии, Успаев передал Яцину членам клана братьев Ахмадовых, прославившихся похищениями людей, и сбежал. Месяц спустя, похитители позвонили жене Яцины и потребовали выкуп в размере 2 миллионов долларов США, а позже предъявили то же требование и агентству ИТАР-ТАСС. Ни семья, ни агентство эту сумму не заплатили, а российское МВД отказалось вести переговоры с похитителями.

По сообщению Международной Амнистии, в конце февраля 2000 г. два бывших пленника Ахмадовых сообщили российским прокурорам, что видели труп Яцины в горах Чечни. По словам Алишера Орозалиева, гражданина Казахстана, который был похищен и удерживался в качестве заложника в одном

месте с Яциной, бандиты убили фотографа отступая от российской армии. Орозалиев сообщил на пресс-брифинге вскоре после своего освобождения, что 20 февраля 2000 года бандиты решили перевести группу заложников в село Шатой. "У Яцины были проблемы со здоровьем – плохие ноги, он больше не мог идти, хотя оставалось всего пять километров. Боевики его застрелили. Мы прибыли в село и должны были там оставаться. Но потом началась бомбежка, и нам пришлось уйти в лес. На обратном пути мы видели его тело".

Вдова Яцины, Светлана Головенкова, сообщила КЗЖ, что она и другие члены семьи узнали о смерти Владимира из телевизионных новостей. То, что страшная весть дошла до Головенковой таким путем, ошеломило ее, поскольку по ее словам она лично обращалась к 20 различным чиновникам с просьбой помочь в этом деле, и каждый обещал держать ее в курсе событий.

После того, как пленники дали показания, МВД послало группу спецназовцев на поиски тела Яцины. Как сообщил КЗЖ репортер *Новой газеты* Вячеслав Измайлов, давно освещавший этот регион, спецназ обнаружил останки на том месте, где, как полагали, был убит Яцина, но последующая экспертиза показала, что останки принадлежали какому-то животному.

Хотя разумно предположить, что активные военные действия в Чечне могли препятствовать задержанию убийц Яцины, ничто по сути не мешало задержанию и допросу Успаева, который по некоторым сведениям был замечен в Москве через три месяца после похищения фотокамера на Кавказе. По словам Измайлова, журналиста отслужившего на Северном Кавказе и освещавшего похищение Яцины для *Новой газеты*, Успаев оставался в России до 2002 г., а потом бежал в Швецию под чужим именем.

В своей переписке с Головенковой в 2002-2003 годах, работники российской прокуратуры сообщили, что им было известно что Успаев бежал из страны. Однако российские власти внесли имя Успаева в список лиц, разыскиваемых Интерполом лишь в 2005 г., и сделали это только после того, как Головенкова написала официальную жалобу в Генеральную прокуратуру в Москве.

По сообщениям в прессе, шведская полиция арестовала жившего под чужим именем Успаева в октябре 2006 г. за нарушение общественного порядка и попросила российских коллег подтвердить личность задержанного. По сообщению полученному КЗЖ из чеченской прокуратуры, сотрудники ведомства узнали в задержанном Успаева, после чего российские власти направили запрос о его экстрадиции по обвинению в содействии похищению и убийству. По сообщениям прокуратуры и прессы, в октябре 2007 г. шведское правительство отклонило запрос на экстрадицию, мотивируя это опасениями, что чеченец не может рассчитывать на беспристрастный суд в России.

В своём письме от 12 июня 2009 года, генеральная прокуратура Швеции сообщила КЗЖ, что проводит собственное расследование предполагаемой роли Успаева в этом деле. В письме говорилось, что прокуратура также рассматривает возможность возбуждения уголовного дела. КЗЖ не удалось найти Успаева для получения комментариев, по этому вопросу.

Согласно сообщениям в прессе, многие из братьев Ахмадовых, возглавлявшие преступную группу, были убиты в ходе чеченского конфликта. Одного из них, Руслана, арестовали в 2001 г. в Азербайджане и выдали России, где его приговорили к 10 годам тюремного заключения за другие преступления. Власти не сообщили КЗЖ о том, какую роль играли братья Ахмадовы в убийстве Яцины.

Магомедзагид Варисов, 54-летний политический аналитик Нового дела (крупнейшего еженедельника Дагестана) и глава Центра стратегических инициатив и политтехнологий, был расстрелян в ходе заказного убийства 28 июня 2005 г. По сообщениям в прессе, как минимум двое неизвестных открыли огонь по машине Варисова недалеко от его дома в столице Дагестана Махачкале, в результате чего журналист погиб, а его водитель получил ранения. Жена Варисова, которая также находилась в машине, не пострадала. Милиция сообщила, что на месте преступления было обнаружено 24 гильзы.

Из нескольких источников КЗЖ стало известно, что с Варисовым расправились вероятно за его публикации, в которых он высказывал критику в адрес многих представителей всего политического спектра. В своей колонке в *Новом деле* Варисов писал о распространении радикального ислама и подробно описывал нарушения прав человека, совершенные федеральными войсками в регионе. В частности журналист подробно исследовал и описал т.н. "зачистку" в приграничной чеченской станице Бороздиновская, проведенную незадолго до того российским войсковым подразделением, в ходе которой был убит один человек, а несколько других бесследно исчезли. В данном за несколько дней до гибели интервью немецкой газете *Berliner Zeitung* Варисов сказал, что чеченские власти неспособны контролировать собственную территорию и ответственны за распространение насилия в Дагестане. Чеченские повстанцы без труда проникают через границу в Дагестан, сказал он газете *Berliner Zeitung*. Газета опубликовала интервью политолога в день, когда Варисова расстреляли.

Местная исламистская группировка "Шариат" заявила об ответственности в убийстве Варисова. В опубликованном в

интернете заявлении, "Шариат" назвал политолога рупором Кремля и "дагестанского марионеточного режима." Десять дней спустя сотрудники МВД Дагестана подстерегли и убили Руслана Макашарипова, считавшегося руководителем этой радикальной группы. Власти объявили его подозреваемым в убийстве Варисова и ряде других преступлений.

10 апреля следующего, 2006 года, сотрудники МВД застрелили еще одного человека, которого они назвали подозреваемым в убийстве Варисова. Как отмечалось в прессе, махачкалинские милиционеры завязали перестрелку с человеком по имени Махач Расулов после неудавшейся попытки его задержания. Расулов, работавший в свое время с Варисовым в *Новом деле*, скончался на месте происшествия. Он описывался в прессе как бывший переводчик, который стал последователем вахабизма, консервативного течения в исламе.

Власти не представили общественности никаких доказательств того, что Расулов и Макашарипов действительно были замешаны в убийстве Варисова. Роли подозреваемых в убийстве не были конкретизированы; неясно также, был ли в нем замешан кто-то еще. В феврале 2007 г. Генеральная прокуратура сообщила КЗЖ, что дело Варисова закрыто.

По словам Вариса, сына журналиста, он не доверяет официальной версии. Варис Варисов, следователь дагестанского Следственного комитета, сообщил, что показания некоего задержанного в то время чеченского боевика якобы подтверждают связь Макашарипова с убийством его отца. Однако, по словам Варисова, он обнаружил несоответствия между этими показаниями и обстоятельствами убийства. По его словам, он просил коллег возобновить расследование, но безрезультатно. По словам Варисова, дело будет раскрыто, только если "чудом, по

'КОМУ НУЖНА ТВОЯ ПРАВДА?'

Журналист с большим опытом работы на Северном Кавказе рассказывает о том, как власти добиваются цензуры новостей через запугивание.

Фатима Тлисова, бывший северокавказский корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс, Радио Свобода и других новостных органов, хорошо знает, с какими опасностями сталкиваются журналисты в этом регионе. В августе 2007 г. ее захватывающие показания заслушала Комиссия США по безопасности и сотрудничеству в Европе.

"Более 10 лет я работала корреспондентом различных газет и агентств на территории Северного Кавказа, регионе расположенном между Черным и Каспийским морями. Россия проводит в регионе военную политику, граничащую с геноцидом. Я могу охарактеризовать эту политику как массовые и регулярные нарушения прав человека, включая основное право на жизнь.

Это та правда, которую российское правительство пытается скрыть. А лучший способ скрыть информацию – это уничтожить свободу слова и независимую прессу. Самую известную российскую журналистку, Анну Политковскую, убили только по одной причине – за работу, которую она выполняла на Северном Кавказе, за то, что она говорила правду.

Я не буду приводить вам статистические данные о свободе слова в России. Все, кого интересует данная ситуация, хорошо знакомы с этими цифрами. ... Помимо статистики существуют многочисленные человеческие истории, о которых никто не знает. Я хочу рассказать вам одну из них, историю моего друга. ...

Когда он начал работать корреспондентом одной из российских центральных газет, он никогда не публиковался под своим настоящим именем, пользуясь исключительно псевдонимами. Он стал писать статьи, которые сильно отличались от того, что печаталось в официальной прессе. Его материалы изобиловали подробностями. В них отражалось то, что в действительности происходило в его регионе. Он писал про

похищения молодых людей, про убийства и пытки гражданских лиц, которых после смерти клеймили террористами.

Затем, всего через несколько недель, он внезапно исчез. Я попыталась позвонить ему, но его мобильный телефон был отключен. Его родные не имели никакого понятия о том, куда он мог деться. На второй день пришли новости о его похищении. Кто-то видел, как вооруженные люди в масках похитили его около Интернет-кафе. ...

Я направлялась в его город, когда он позвонил мне. Его голос звучал по другому. Сначала я не поняла, кто это звонит с его мобильного телефона. Он сказал: 'Пожалуйста не приезжай. Я скоро буду в твоём городе'. Через несколько часов, вечером, мы встретились в кафе. Он был раздражен и печален. Сидя за столиком, он написал мне на бумажных салфетках о том, что с ним случилось. Он был страшно напуган и боялся говорить об этом вслух. Его похитили пять или шесть человек в масках. ...

Его доставили в соседний город. По прибытии его отвели в небольшую комнату, после чего похитители исчезли. Дверь была заперта. В комнате был только стол и два стула. Он слышал мужские голоса, люди кричали как дикие звери. ...

Затем в комнату вошли два человека в гражданском. Они не прятали лиц и показали ему свои удостоверения. Оба оказались сотрудниками ФСБ. Они спросили его, как он стал журналистом. Говорили они с ним бесцеремонно и в тоне превосходства. 'В твоём регионе работают десятки журналистов, но мало кого привозят сюда, как тебя'. ... Они разложили перед ним на столе все его статьи; подписанные различными псевдонимами. ...

Он попытался объяснить, что писал только правду. Они рассмеялись. 'Да кому нужна твоя правда? Ты должен писать то, что нужно, и больше ничего'. Допрос продолжался до полуночи. Потом его оставили в одиночестве на всю ночь. Наутро его проинструктировали. Теперь перед публикацией материала в центральной газете он должен сначала

Продолжение на странице 60

отправлять его на проверку в ФСБ. Раз в неделю он должен встречаться с сотрудником, который будет с ним работать. ...

Официальные методы, которые я описала, применяются нередко, но самые продуктивные методы гораздо проще. ... Ваш 16-летний ни в чем неповинный сын может быть арестован. Ваш дом и дом ваших родителей власти могут обыскать в любое время. ... Вас могут [исключить] из списка журналистов, которым предоставлен доступ к официальной информации или позволено участвовать в официальных пресс-конференциях. Вас могут лишиться возможности работать на иностранные информационные агентства, потому что российский МИД никогда не даст вам аккредитации. А работать без аккредитации запрещает закон.

Если вы не прогнулись после всего этого, вы можете внезапно скончаться или вас могут публично казнить, как Анну Политковскую. К таким выводам я прихожу после 10 лет работы журналистом на российском Северном Кавказе". ■

случайности что-то выплывет". На просьбу о комментарии, направленную КЗЖ в дагестанскую прокуратуру в апреле 2009 г., немедленного ответа не поступило.

Как сообщили КЗЖ коллеги Тельмана Алишаева, 39-летнего репортера и ведущего махачкалинского исламского телеканала "ТВ-Чиркей", в своих передачах журналист освещал социальную тематику, в том числе образование, СПИД и наркоманию, и делал это с точки зрения религии.

2 сентября 2008 г. двое неизвестных расстреляли Алишаева, когда он возвращался домой в своей машине. Он скончался в больнице на следующее утро. По сообщению ряда источников КЗЖ, убийство вероятно было спровоцировано документальным фильмом под названием "Обыкновенный вахабизм," в котором журналист выступил с критикой консервативного суннитского течения и его распространения в республике. По сообщениям газеты *Коммерсантъ*, вскоре после выхода фильма Алишаеву якобы угрожали, и одна исламистская группа внесла его в так называемый "список смертников", опубликованный на ее вебсайте.

Через два дня после нападения следователи установили личности двух подозреваемых: Вадим Бутдаев и Рустам Умалатов, известные как члены местной вахабитской группы. По сообщениям в прессе, Бутдаев уже был объявлен в розыск в связи с убийством милиционера в Махачкале, совершенным ранее в тот же день. Дагестанское МВД сообщило, что свидетели опознали в Бутдаеве стрелявшего; роль Умалатова не уточнялась.

Бутдаев так и не предстал перед судом. По сообщению информ-агентства РИА-Дагестан, 17 ноября 2008 г. при попытке арестовать Бутдаева и еще троих мужчин, сотрудники махачкалинской милиции

вступили в перестрелку с подозреваемыми и убили всех четверых. Местонахождение Умалатова остается неясным. На письменную просьбу прокомментировать статус дела, направленную КЗЖ в дагестанскую прокуратуру, ответа получено не было.

Брат журналиста, Ахмад, сообщил КЗЖ, что вообще сомневается, что расследование этого убийства проводилось. "На следующий же день они назвали подозреваемых, а потом вообще, наверное, ничего не делали", - сказал он. По его словам, власти не сообщали родным о ходе расследования.

Анастасию Бабурову, внештатного корреспондента *Новой газеты*, застрелили около 3 часов дня 19 января 2009 г. на улице в центре Москвы, недалеко от Кремля. Ей было 25 лет. Непосредственно перед этим она участвовала в пресс-конференции, на которой известный адвокат-правозащитник Станислав Маркелов резко осудил досрочное освобождение офицера российской армии, осужденного за похищение и убийство чеченской девушки в марте 2000 г. Адвокат и журналистка вышли из Независимого Пресс-центра, где проводилась пресс-конференция, и беседуя шли по улице.

Как сообщил *Коммерсантъ* со ссылкой на источники в Генеральной прокуратуре, сзади к ним подошел неизвестный мужчина в темной одежде и лыжной маске и выстрелил Маркелову в затылок из пистолета с глушителем. Цитируя свидетелей убийства, *Коммерсантъ* писал, что по всей видимости Бабурова попыталась задержать убийцу, когда он проходил мимо нее.

После этого он выстрелил ей в голову. 34-летний Маркелов скончался на месте происшествия. Бабурова умерла несколько часов спустя в московской больнице.

Как сообщил КЗЖ заместитель редактора *Новой газеты* Сергей Соколов, Бабурова, студентка факультета журналистики МГУ и внештатный корреспондент *Новой*, публиковала материалы о неонацистском движении и преступлениях на почве расовой ненависти с октября 2008 г. До этого она печаталась в ежедневном издании *Известия*, где освещала деловую тематику.

Реакция властей на двойное убийство была неоднозначной. "Дерзость, с которой совершено это убийство, говорит о том, что преступник был уверен в своей безнаказанности", - заявил через два дня после убийства председатель Следственного комитета при Генеральной прокуратуре Александр Бастрыкин. "Общество должно быть уверено, что в стране действует закон и никому его преступать не позволено". Отзыв президента Дмитрия Медведева однако был сдержанным. Соболезнования, принесенные им в частном порядке газете через 10 дней после двойного убийства, почти не привлекли внимания прессы.

Само расследование продвигалось с остановками. Как сообщил "Интерфакс", 23 января теперь уже бывший глава московского ГУВД Владимир Пронин, заявил на пресс-конференции, что с места преступления были изъяты три гильзы и пуля. Однако, три дня спустя начальник управления информации и общественных связей ГУВД Москвы Виктор Бирюков сказал *Известиям*, что ничего подобного обнаружено не было. ■

Обвинительный приговор по делу об убийстве Игоря Домникова показывает, что при наличии упорства можно добиться правосудия. Однако по словам критиков это расследование, при всех успехах следствия, далеко еще не завершено.

В августе 2007 г. пятерых членов пресловутой преступной группы признали виновными в убийстве Игоря Домникова, репортера и редактора специальных проектов независимой московской *Новой газеты*. Их приговорили к тюремному заключению сроком от 18 лет до пожизненного за убийство Домникова и многочисленные другие преступления. По данным КЗЖ, это единственные обвинительные приговоры, вынесенные в России с 2000 г. за убийство журналиста по причинам, связанным со служебной деятельностью.

Приговор стал результатом многолетней работы коллег Домникова, которые скрупулезно расследовали это убийство и упорно добивались суда над подозреваемыми. Сотрудники *Новой газеты* и адвокаты Домникова опрашивали свидетелей, милицию и подозреваемых, чтобы содействовать расследованию, добывали информацию и шли по следу статей Домникова. Отправив убийц за решетку, его коллеги добиваются привлечения к ответственности предполагаемых заказчиков убийства Домникова, совершенного в мае 2000 г. Если газете это удастся, будет создан важный прецедент в борьбе с безнаказанностью убийц журналистов в России, когда и наемные убийцы, и заказчики предстанут перед судом.

Хотя *Новая газета* известна своими острыми журналистскими расследованиями, 42-летний Домников был знаком читателям своей тонкой иронией и яркими описаниями характеров и событий.

"Материалы Домникова были воздушны и талантливо", - говорит его коллега Вячеслав Измайлов. "Читатель *Новой*, уставший от всевозможного криминала, позволял себе отдышаться и отдохнуть душой на публикациях Игоря".

В предшествовавшие гибели месяцы Домников особенно интересовался администрацией Липецкой области. В 1999 и 2000 гг. он написал пять статей от первого лица с жесткой критикой губернатора Олега Королева и его заместителя по финансовой части Сергея Доровского. Домников обвинял областную администрацию в nepoтизме, в неспособности справиться с разгулом бандитизма, в том, что она не стимулирует сельскохозяйственный сектор и доводит фермеров до банкротства, и что позволяет населению бедствовать в то время, как высокое начальство сидит на больших окладах.

В одной статье Домников воспользовался своим сардоническим стилем как рапирой, с которой он напал на Доровского, обвинив чиновника в том, что он потворствует липецким предпринимателям и извлекает из своего служебного положения выгоду для родственников и друзей. Статья завершалась призывом к официальному расследованию действий Доровского.

По словам заместителя редактора *Новой газеты* Сергея Соколова, содержание этой и других статей должны были раздражать областную администрацию, но чиновников оскорбил именно едкий стиль Домникова. Так, Домников высмеял заместителя губернатора за разрешение продавать мороженое в ларьках без использования кассовых

аппаратов. "Мало-мальски понимающий в российской торговле человек поднимет тут брови, расстегнет верхнюю пуговицу рубашки и скажет, помолчав: 'Ну, лихой мужик. Не иначе будет старостой в камере'".

По сообщению *Новой газеты* со ссылкой на собственные источники и материалы следствия, Доровской был настолько оскорблен, что якобы поручил своему деловому партнеру Павлу Сопоту доставить Домникова обратно в Липецк объяснить. По словам сотрудника *Новой газеты* Измайлова, который беседовал с Сопотом, разговор между последним и Доровским состоялся в апреле 2000 г., за месяц до нападения. "Цивилизованные люди подают иск в защиту чести и достоинства или обращаются с заявлением в прокуратуру", - говорится в статье Измайлова, напечатанной в *Новой газете* 14 июля 2005 г. "Но Доровской поступает иначе".

Сопот, по сообщению *Новой газеты*, был старым другом и бывшим бизнес-партнером Эдуарда Тагирьянова, в настоящее время находящегося за решеткой главаря банды "Тагирьяновские" – хорошо организованной, отлично вооруженной и очень эффективной преступной группы, на счету которой более 20 убийств, восемь похищений и ряд других преступлений по всей России. "Тагирьяновские" базировались в Татарстане, в городе Набережные Челны. По сообщению *Новой газеты*, Сопот когда-то жил в Набережных Челнах и сохранил связи с Тагирьяновым, хотя за несколько лет до описываемых событий переехал в Москву. "Мы знаем, что Сергей Доровской обсуждал публикации Игоря со многими, но просьбу (или задачу?) сформулировал именно перед Сопотом. Только ли факт проживания знакомого в Москве сыграл свою роль или Доровской догадывался о, скажем так, особых связях Сопота?" – писал Измайлов.

Сопот сообщил Измайлову (причем их

разговор записывался на пленку), что через две недели после посещения Доровского в апреле 2000 г. он встретился с Тагирьяновым в одном из московских ресторанов и попросил посоветовать, как обращаться с журналистами. Банда Тагирьянова, как выяснилось, советом не ограничилась.

Независимо от того, насколько точно описание *Новой газеты* соответствовало действительности, дальнейшие события не подлежат сомнению.

Около 8 часов вечера 12 мая 2000 г. кто-то напал на Домникова в подъезде его московского дома, нанося удары молотком по голове. По сообщению *Новой газеты* со ссылкой на судебную экспертизу, завернутое в тряпку окровавленное орудие убийства было обнаружено позже недалеко от места преступления. Сосед нашел окровавленного Домникова почти в бессознательном состоянии и вызвал скорую помощь. Журналист был госпитализирован и прооперирован, однако он впал в кому и скончался от травм головы через два месяца, 16 июля, так и не придя в сознание.

Более чем шесть лет спустя, обросшее 124 томами дело 16 членов тагирьяновской группировки было заслушено в Верховном суде Татарстана в Казани. Среди 23 инкриминированных членам банды убийств было и убийство Игоря Домникова. В статье, опубликованной 7 сентября 2006 г., через три дня после начала процесса, *Новая газета* выразила благодарность следователям, прокурорам и сотрудникам милиции, которые работали над этим делом. Отмечая, что издание "часто ругает наших правоохранителей за безынициативность и коррупционность", редакторы писали далее, что процесс стал "огромной заслугой" "прекрасных профессионалов", которые рисковали жизнью во имя правосудия.

МЕРА ПРАВОСУДИЯ

По словам адвоката, специализирующегося в области защиты прав человека, следствие по делу Домникова велось очень тщательно, но было прекращено слишком рано. Эта проблема характерна для всей системы правосудия.

Карен Нерсисян, известный московский адвокат, специализирующийся по правам человека, представлял интересы родных Игоря Домникова в ходе расследования убийства этого журналиста и на последующем суде над членами организованной преступной группировки из города Набережные Челны. В апреле КЗЖ побеседовал с Нерсисяном об этом деле.

Вы представляли интересы родных Домникова в ходе следствия и на суде. Какова была Ваша роль в этом деле?

Я должен был убедиться, что обвиняемые в данном убийстве действительно его совершили; что следствие ведется честно и объективно; и что заказчиков убийства ищут. Я отправился в Набережные Челны, изучил материалы этого уголовного дела и опросил нескольких подозреваемых. Мне удалось убедить одного из них помогать следствию. Он согласился на безоговорочное сотрудничество и оказал нам большую помощь в ходе процесса. Знаете, иногда, чтобы раскрыть преступление, приходится прибегать к нетрадиционным методам.

Годом позже, 26 августа 2007 г., судья Илдус Гатаулин приговорил каждого из пятерых обвиняемых в убийстве Домникова и ряде других преступлений к длительному тюремному заключению. (Еще 11 обвиняемых также были признаны виновными и отправлены за решетку за убийства, похищения, вымогательства, грабеж и другие преступления.) Альберт Хузин, обвинявшийся в том, что он забил Домникова молотком, получил 25 лет тюрьмы. Геннадий Безуглов, обвинявшийся в разработке плана этого преступления, получил 18 лет. Главарь банды Эдуард Тагирьянов был приговорен к пожизненному заключению за его роль в этом убийстве и других преступлениях. Два оставшихся "тагирьяновских", Сергей Бабков и Николай Казаков, были признаны виновными в слежке за Домниковым перед расправой. Бабкова приговорили к пожизненному заключению, а Казаков получил 19 лет. По сообщениям в прессе, все они отбывают наказание в колонии строгого режима.

Почему же это дело закончилось не так, как множество других, в которых сторона обвинения проиграла? Ну, во-первых, убийство Домникова было лишь одним эпизодом в гораздо более масштабной и длительной череде преступлений, совершавшихся одной из самых кровавых организованных преступных групп в России. Правоохранительная бюрократия была единодушна в своем желании решительно покончить с этой бандой. Однако *Новая газета* и помогавшие ей группы по защите свободы прессы тоже очень много сделали для того, чтобы дело не потеряло своей актуальности. По словам Карена Нерсисяна, бывшего адвоката семьи Домникова, осведомленность общества остается мощным оружием в борьбе с безнаказанностью.

Хотя приговоры стали радостной новостью, *Новая газета* тем не менее выступила с критикой прокуратуры Татарстана за то, что не было возбуждено уголовное дело в отношении Сопота и Доровского. Оба дали показания на предварительном следствии, а Сопот - и на суде. Несмотря на это, прокуроры рассматривали их с Доровским только как свидетелей по делу, и не предъявили им никаких обвинений.

В опубликованном 29 августа 2007 г. комментарии специальный корреспондент *Новой газеты* Елена Милашина утверждает, что прокуратура уступила политическому давлению и отказалась от дальнейшего расследования. Заместитель редактора *Новой газеты* Соколов сообщил КЗЖ, что газета вместе с родными Домникова и их адвокатами неоднократно подавала заявления о проведении уголовных расследований в отношении Сопота и Доровского. Соколов сообщил КЗЖ, что прокуратура и органы дознания, как областные, так и центральные, отклонили все заявления.

Однако в конце концов настойчивость принесла какие-то плоды. 17 апреля 2009 г., почти через девять лет после смерти Домникова, Следственный комитет Центрального федерального округа сообщил *Новой газете* о возбуждении уголовного дела в отношении Сопота по распоряжению высшего руководства Следственного комитета. В этом новом деле Доровской, который променял политику на руководство мясокомбинатом и рядом других предприятий в Липецкой области, не фигурирует. Следственный комитет не ответил на письменную просьбу КЗЖ прокомментировать свое решение.

В интервью *Новой газете*, опубликованном 7 сентября 2006 г., Сопот заявил, что не ожидал, что его разговор

Что привело к положительному результату?

Помог тот факт, что эта ОПГ была одной из наиболее опасных и безжалостных в России. А благодаря СМИ и участию международного сообщества о нашем деле знали очень многие. На власти оказывалось давление; расследование убийства Домникова освещалось по всему миру.

Кроме того, для России это был политический ход, возможность показать миру, что преступления против журналистов в стране все-таки расследуются, и что хотя бы одно расследование успешно завершено. Ну, конечно, потом стало ясно, что заказчики нашли способ повлиять на процесс и избежать правосудия. Но по крайней мере в начале казалось, что есть надежда.

Как Вы оцениваете работу следователей?

На стадии предварительного расследования я был уверен, что и исполнителей, и заказчиков привлекут к ответу, поскольку следствие проводилось тщательно. Я был уверен, что следователи вышли на настоящих убийц и арестованы были лица, виновные в этом преступлении. В самом начале следователи работали совершенно профессионально, но на завершающей стадии они явно находились под большим давлением.

Когда дело было передано в суд, стало очевидно, что заказчиков приказано не трогать. Когда начались слушание, нам не предоставили возможности задать вопросы относительно организаторов убийства. А глава преступной группировки Эдуард Тагирьянов постоянно повторял, что ответственность за все несет только он, что инициатива убить Домникова принадлежит исключительно ему, хотя никаких видимых мотивов у него

Продолжение на странице 66

не имелось, и что никто ему этого не приказывал.

Данное дело лишний раз доказало, что заказчики в России остаются неприкасаемыми. Если это важные чиновники, большие и влиятельные люди, они всегда найдут способ замести следы. Наши российские законы применяются самым милосердным образом именно к этой группе лиц.

Каковы основные проблемы судебной системы?

Судебная власть не является независимой. Если бы суды действительно были независимыми, законы применялись бы равномерно, а не избирательно. В России отсутствует единый стандарт применения законов.

Менталитет наших власть имущих таков, что правосудие должно служить им. Так было всегда. Самая система правосудия ведет себя так, как если бы она существовала только по милости и при покровительстве власть имущих. Чтобы изменить этот менталитет, придется серьезно и долго потрудиться. Нам нужны новые люди, новые головы, новые подходы. ■

с главарем банды приведет к убийству Домникова. "Вот если я о вас кому-то что-то скажу и с вами что-то случится - разве я буду в этом виноват?" – сказал он газете. Доровской публично на вопросы о деле не отвечал. КЗЖ попытался связаться с ним через его мясокомбинат, но ответа не получил. По словам Нерсисяна, бывшего адвоката семьи журналиста, показания главара банды Тагирьянова свидетельствуют о непричастности Сопота и Доровского к этому убийству.

Решение о возбуждении дела в отношении Сопота последовало через четыре дня после того, как президент Дмитрий Медведев встретился с редактором *Новой газеты* Дмитрием Муратовым и дал газете эксклюзивное интервью. По словам пресс-секретаря президента Натальи Тимаковой, этот жест Медведева явился выражением "моральной поддержки" изданию.

Сотрудники *Новой газеты* настроены скептически. "Мне кажется, еще рано говорить о каких-либо положительных результатах", - сказал Соколов в беседе с КЗЖ. "Закрывать уголовное дело можно так же легко, как оно было открыто". ■

Комитет по защите журналистов рекомендует российским властям и международному сообществу следующие меры борьбы с безнаказанностью убийц журналистов в России.

РОССИЙСКИМ ВЛАСТЯМ

Президенту Дмитрию Медведеву и премьер-министру Владимиру Путину

- Публично и недвусмысленно осудить все акты насилия над журналистами, как преступления не только против граждан, но и против права общества на получение информации. Встретиться с родственниками жертв и признать, что до сих пор правительство было неспособно обеспечить право их близких на жизнь и привлечь убийц к ответу.
- Привлечь все имеющиеся ресурсы правительства для привлечения виновных в нападениях на журналистов к ответу. Объявить о полной неприемлемости коррупции в правоохранительных органах, приводящей к саботажу расследований гибели журналистов. Привлечь коррумпированных работников правоохранительных структур к ответственности по всей строгости закона. Требовать регулярных отчетов от сотрудников российских следственных органов. Обязать данные органы отчитываться перед общественностью о ходе расследований.
- Открыто подтвердить свое признание важности роли независимых репортеров, журналистов-расследователей и критикующих власти комментаторов для российского общества. Позволить независимым журналистам вернуться в общественное медиа-пространство.

Генеральному прокурору и Следственному комитету

- Регулярно информировать родственников убитых журналистов о ходе расследований. Обеспечить родственникам и их адвокатам полный и беспрепятственный доступ к материалам следствия.
- Установить практику передачи дел, расследование которых осложнено конфликтом интересов, другим, объективным следователям. В случаях где преобладает конфликт интересов обеспечить рассмотрение дел в нейтральной юрисдикции.
- Возобновить все прекращенные расследования и продолжить расследования, которые формально не прекращены, но на практике остановлены. Отработать непроверенные версии, найти и допросить свидетелей, установить местонахождение всех подозреваемых и задержать их. В тех случаях, когда профессиональная деятельность жертв не рассматривалась в качестве мотива преступления без достаточных оснований, сосредоточить внимание на публикациях жертвы.

- Обеспечить качественное выполнение следственных действий по каждому делу, обязав сотрудников регулярно подавать конкретные отчеты о ходе расследования на окружном и областном уровнях.

Судебным органам

- Открыть судебные разбирательства убийств журналистов для публики и прессы. Обеспечить защиту присяжных и свидетелей от запугивания.
- Продемонстрировать свою независимость от политического, уголовного, коммерческого, и других видов давления. Пересмотреть и по мере необходимости отменить сомнительные, несправедливые или неаргументированные решения судов.

МЕЖДУНАРОДНОМУ СООБЩЕСТВУ

Европейским институтам

- Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, членом которой является Россия, должна призвать российские власти к всестороннему соблюдению принципов ОБСЕ, относящихся к свободе выражения. Она должна целиком и полностью поддерживать своего представителя по вопросам свободы средств массовой информации и информировать российские власти о причинах озабоченности этого представителя.
- Совет Европы, в который входит Россия, должен пристально следить за соблюдением этой страной Европейской конвенции о защите прав человека, в частности Статьи 10 "О свободе выражения", и принимать адекватные меры для обеспечения такого соблюдения. Комиссару Совета по правам человека должно быть поручено включиться в борьбу с безнаказанностью в России и подготовить отчет для Комитета министров и Парламентской ассамблеи Совета Европы. Комиссар по правам человека должен провести в России публичные встречи, посвященные нападениям на журналистов, и содействовать российскому правительству в более последовательном соблюдении прав человека и укреплении правовых институтов для борьбы с безнаказанностью.
- Совет Европы должен добиться от России стопроцентного выполнения решений Европейского суда по правам человека относительно дел, связанных со свободой слова. В случае, если российские власти не предпримут адекватных действий, Совет должен прибегнуть к принудительным мерам, вплоть до временного выведения России из состава Совета.
- Европейский Союз должен поручить представительству Совета Европы в России пристально следить за положением прессы и распространить на российских журналистов правила и положения Совета Европы, касающиеся правозащитников.

- Европейский парламент, и в частности его подкомитет по правам человека, должны тщательно следить за положением прессы в России и проводить публичные слушания по вопросу свободы прессы, нападений на журналистов и безнаказанности их убийц в России.

Руководителям Соединенных Штатов Америки

- Поднимать вопросы прав человека, свободы прессы и безнаказанности убийц журналистов на двусторонних и многосторонних переговорах с российским руководством. Предлагать России помощь и сотрудничество в борьбе с этой безнаказанностью.
- Конгресс США, в том числе Комиссия по международным отношениям Сената США, Комиссия по международным отношениям Палаты представителей США и Комиссия по правам человека им. Тома Лантоса должны проводить публичные слушания по вопросу свободы прессы, нападений на журналистов, и безнаказанности их убийц в России.

Совету ООН по правам человека

- Требовать от России соблюдения международных стандартов прав человека. Рассматривать в ускоренном порядке жалобы российских граждан о нарушениях прав человека. Вводить надлежащие санкции в случае подтверждения фактов нарушений.
- Совет по правам человека должен поручить Специальному докладчику ООН по свободе выражения изучить положение прессы в России и представить результаты и рекомендации Совету и другим соответствующим институтам ООН. ■

Отрывки из работ журналистов, убитых в России в период с 2000 г.

Павел Хлебников **"'Золотая сотня', Богатейшие бизнесмены России 2004 года"**

Павел Хлебников, Кирилл Вишнепольский
(*Forbes Россия*, 13 мая 2004 г.)

...

Вместе с тем Россию еще нельзя назвать страной со сформировавшейся капиталистической системой. От развитых стран, экономику которых характеризует острота конкуренции, Россию отличает предельная концентрация капитала. Совокупное состояние "Золотой сотни"—\$136,9 млрд. Осенью 1996-го года Березовский сообщил *Financial Times*, что он и шестеро других предпринимателей контролируют 50% российской экономики. Борис Абрамович, как обычно, сильно преувеличил, но в целом тенденция верная. Сегодня концентрация капитала в значительной мере сохранилась. По данным Всемирного банка, в 2003 году 23 крупнейшие бизнес-группы (практически все они представлены в нашем списке) обеспечивали 57% всего промышленного производства России.

В России больше миллиардеров по отношению к ВВП, чем в любой другой стране мира,—36 человек на \$458 млрд. Конечно, нельзя напрямую сравнивать состояние богатейших бизнесменов с ВВП—первое измеряет капитал, второе оборот, — однако факт остается фактом: капитал 36 богатейших людей России (\$110 млрд) равен 24% ВВП страны.

В феврале 2004 года, когда *Forbes* опубликовал всемирный рейтинг миллиардеров, несомненным лидером по числу богачей были

США—277 миллиардеров. Однако совокупное состояние американских капиталистов (\$651 млрд) едва дотягивает до 6% от валового внутреннего продукта страны — \$11 трлн. На втором месте стояла Германия—52 миллиардера при ВВП в \$2,1 трлн. Японию, вторую самую мощную экономику в мире, характеризует гораздо меньшая концентрация капитала—родина самураев насчитывает всего 22 обладателя миллиардного состояния при ВВП страны в \$3,7 трлн.

Капитал в России не только сконцентрирован в руках небольшой группы людей—большинство этих людей связано с одним городом. По нашим расчетам, 33 из 36 российских миллиардеров либо живут в Москве, либо сделали свое состояние, "решая вопросы" в столице России. Никакой другой город мира не может похвастаться таким количеством миллиардеров, даже Нью-Йорк служит базой всего лишь для 31 миллиардера.

Богатое наследство

Подсчитывая состояние богачей США в рейтинге *Forbes-400*, мы обращаем внимание на то, сколько из участников списка унаследовали большую часть своего состояния—взять, например, семьи Рокфеллеров и Дюпонов. Факт, что в списке 2003 года такие наследники составляли лишь 20% от общего числа богатейших, показывает способность американской экономики обновляться, не опираясь только на достижения прошлых поколений.

В России, конечно, еще нет столько миллионеров, унаследовавших состояние по семейной линии. Другое дело, что

большинство участников нашего списка получили природные ресурсы и предприятия в наследство от целой страны—СССР. Такое наследство лежит в основе капиталов 66 участников списка. Лишь 34 участника разбогатели на создании совсем нового бизнеса—в первую очередь это телекоммуникации, строительство, производство продуктов питания и торговые розничные сети. Отсутствие новых источников богатства в этом списке показывает, насколько экономика России опирается на прошлое.

Остается добавить, что большинство участников Top-100 России похожи друг на друга. Среднестатистический участник Top-100— мужчина 47 лет. Типичный фигурант списка *Forbes* родился на рубеже 50-60-х годов за пределами Москвы, но сумел получить высшее техническое образование именно в столичном вузе; с принятием в 1988 году закона "О кооперации в СССР" торговал компьютерами, затем занялся одновременно банковским бизнесом и экспортом сырьевых товаров. Сейчас владеет крупным (чаще всего — контрольным) пакетом акций производителя сырьевых товаров, женат. Существенную часть жизни проводит в Европе или Северной Америке, куда еще в конце 90-х годов перевез семью.

...

(Перепечатано с разрешения Forbes Россия)

Анна Политковская

"Назначаем тебя террористом.

Антитеррористическая политика пыток на Северном Кавказе"

(Новая газета, № 78, 12 октября 2006 г.)

Передо мной каждый день—десятки папок. Это копии материалов уголовных дел людей, сидящих у нас за "терроризм" или пока еще находящихся под следствием.

Почему слово "терроризм" тут в кавычках? Потому, что подавляющее большинство этих людей—назначенные террористы. И эта практика "назначения в террористы" не просто вытеснила к 2006 году какую-либо истинную антитеррористическую борьбу, она сама по себе стала воспроизводить желающих мстить—потенциальных террористов. Когда прокуратура и суды работают не ради закона и наказания виноватых, а на политический заказ и в погоне за приятной Кремлю антитеррористической отчетностью, уголовные дела пекутся как блины.

Конвейер "организации чистосердечных признаний" отлично обеспечивает хорошие показатели "борьбы с терроризмом" на Северном Кавказе.

Вот что написали мне матери группы осужденных молодых чеченцев: *"...По сути, эти исправительные колонии превратились в концлагеря для чеченских осужденных. Они подвергаются дискриминации на национальной почве. Из одиночных камер и штрафных изоляторов их не выпускают. Большинство, или почти все, осуждены по сфабрикованным 'делам', без базы доказательств. Находясь в жестких условиях, подвергаясь унижениям человеческих достоинств, у них вырабатывается ненависть ко всему. Ведь это целая армия, которая вернется к нам с испорченными судьбами, с испорченными понятиями..."*

Честно: я боюсь их ненависти. Боюсь потому, что она выйдет из берегов. Рано или поздно. И крайними станут все, а вовсе не те следователи, которые их пытали. Дела "назначенных в террористы" — это то поле, где лоб в лоб сталкиваются два идеологических подхода к тому, что

происходит в зоне "контртеррористической операции на Северном Кавказе": мы законом боремся с беззаконием? Или мы лупим "нашим" беззаконием по "их"?

...

(Перепечатано с разрешения Новой газеты)

Эдуард Маркевич "Экспансия"

(Новый Рефт, 12 января 2000 г.)

Взяться за написание этой статьи меня подвигла попавшая в редакцию информация о проведенном обыске в квартире инструктора по спорту администрации поселка А.Н.Урусовой. Чтобы разобраться в обстоятельствах дела и упорядоченно изложить события и факты в газетной статье, мне пришлось встретиться со множеством людей. Итог моих встреч и бесед с другой стороны осветил события, серьезного значения которым я раньше не придавал.

...

В один из вечеров милиция без санкции прокурора врывается в квартиру А.Н.Урусовой, переворачивает вещи, изымает хранящийся в нее дома спортинвентарь... А.Урусову вызывают на допрос. Допрос длится 8 часов, сопровождаемый угрозами, слезами, потерей сознания и вызовом "Скорой помощи".

Оказывается, сама А.Н.Урусова интересуется милицию постольку поскольку... И вся напускная строгость "силовиков" и их жаркое стремление бороться с "расхитителями социалистической собственности" есть ничто иное как ширма. От инструктора по спорту требуется лишь одно – назвать фамилии, суммы взяток, которые через нее передавались главе администрации М. Шантарину, места передачи денег, время. Кроме всего прочего, от нее требуют

подписать компрометирующие материалы на главу поселка.

К чести Алевтины Николаевны, она с достоинством вынесла это испытание и не поддавалась угрозам (типа "Посажу в камеру!") и соблазну побыстрее отделаться от милиции, оговорив по их требованию невинного человека.

Всей "операцией" заведовал начальник уголовного розыска Рефтинского ПОМ капитан (ныне – майор) Ю.Г.Боровиков, который в то время исполнял обязанности начальника отделения милиции вместо ушедшего в отпуск А.Г.Магомедова. Эта одиозная фигура местной милиции давно имеет в поселке "мутную" репутацию, в свете чего непонятно почему новый начальник милиции "поднял" и приблизил к себе этого человека.

...

Из неофициальных источников поступает информация о том, что местная милиция пытается нелегально воздействовать на М. Шантарина, шантажируя его тем, что на его сына Павла имеется достаточно материала, чтобы отправить в места не столь отдаленные. Это очень настораживающий факт. Начинает чувствоваться интерес милиции к местной власти. И не только в Рефтинском. В последнее время наблюдается подозрительная экспансия "силовиков" во властные структуры на федеральном уровне: сначала измученных реформами россиян вынудили проголосовать за "Единство" Сергея Шойгу, потом передали бразды правления исполнительной власти В.Путину – тоже "силовику" до мозга костей и выходцу оттуда же.

Глядя на это и чувствуя одобрение в действиях федерального правительства, наши местные пинкертонеры тоже начинают поднимать голову и стремиться к получению

власти или хотя бы рычагов воздействия на местную власть.

Честным, демократическим путем милиционеру нет возможности "всенародно избраться" - ну, не любят люди милицию. Тем более на Урале, куда испокон веков ссылали неугодных, подальше от Москвы. Поэтому путь во власть милиции закрыт. Другое дело – если у крупного муниципального чиновника есть такие вот сыновья. Воздействуя на родительские чувства, несложно заполучить фактическую власть.

...

Разрушать основы демократии в нашей стране, пусть даже и в отдельно взятом маленьком поселке, пусть даже и для благого дела непозволительно никому. Даже людям в погонах, основным аргументом которых всегда были грубая сила и оружие. И смотреть сложа руки на то, как на наших глазах милиция попирает одно из ценнейших завоеваний нашей страны – демократию, люди не будут.

(Перепечатано с разрешения Нового Рефта)

Юрий Щекочихин

"Дело о 'Трех китах': судье угрожают, прокурора изолировали, свидетеля убили"

(Новая газета, №39, 2 июня 2003 г.)

...

Это не история о столах и стульях, это другая, совсем другая история, напрямую указывающая на то, в каком пространстве жизни, современной истории, избранного президента и парламента и назначенных чиновников оказалась Россия.

"Три кита" — знаковое дело для нашего времени! Знаковое для Госдумы: Комитет по безопасности посвятил ему целое заседание, а сама Дума направила десятки писем в адрес Генпрокуратуры. Знаковое для Европы

и Америки: там, у них, где происходят аресты западных партнеров "Трех китов", все еще безуспешно ждут ответов на свои следственные поручения от наших МВД и Генпрокуратуры. Знаковое для нашего правосудия — только не повторяйте мне все эти сказки про независимость судей и про то, что "только суд может назвать человека виновным": пока дождешься этого настоящего суда, документы уголовного дела будут уничтожены, свидетели — запуганы или убиты, а сами следователи — или осуждены, или уйдут, отчаявшись пробить эту стену. Есть дело Зайцева, есть дело таможенников, а куда же делось дело о многомиллионной контрабанде?

Доходит до анекдота! К независимому президентскому прокурору Лоскутову так и не попало письмо из Германии от представителя криминальной полиции Германии в Москве Франка Хельмута, в котором прямо названы липовые немецкие фирмы, созданные тем же Зуевым; названы фамилии тех, в том числе и самого Зуева, кого подозревают в отмывании денег и создании преступного синдиката; сообщено о том, что в Италии уже произведены аресты по делу о "Трех китах", что там, в Германии, готовы помочь российским коллегам и сами, в свою очередь, ждут помощи от коллег российских!

Нет у него этого письма, не дошло, потерялось, испарилось в недрах Генпрокуратуры. Могу передать ему копию, да будет ли толк? И не в этом дело! Что же во власти избранного Россией Президента? Пробить бестелефонной старушке телефонный номер? Сказануть что-нибудь красивое по-немецки? Взлететь на истребителя?

"Кто он, мистер Путин?". Помню, сколько

раз мне самому приходилось слышать этот вопрос от своих зарубежных коллег тогда, когда он вдруг неожиданно возник на вершине российской власти. Прошло три года. Я до сих пор не могу найти точного ответа на этот вопрос.

Дважды за эти годы я обращался к Президенту с личными письмами, касающимися, поверьте, важных, государственных вопросов, — и дважды мне приходилось повторять одну и ту же фразу: "Понимаю ваше желание создать команду, но, мне кажется, вокруг вас собирается стая. А под стаяй Россия уже устала жить". Дважды я получал в ответ ничего не значащие отписки от кремлевских клерков.

...

(Перепечатано с разрешения Новой газеты)

Иван Сафронов "'Булава' с плеч"

Иван Сафронов, Элина Билевская
(Коммерсантъ, № 242, 26 декабря 2006 г.)

Как стало известно Ъ, проведенный в воскресенье испытательный пуск новейшей морской ядерной ракеты "Булава" с борта атомной субмарины "Дмитрий Донской" закончился неудачей. Это уже третья подряд авария "Булавы". Проблемы с испытаниями "Булавы" ставят под сомнение выполнение программы вооружений, предусматривающей, что уже со следующего года должно начаться оснащение подлодок этими ракетами, которые на ближайшие десятилетия должны стать основной ударной силой российских морских стратегических ядерных сил.

По сведениям Ъ, "Дмитрий Донской" вышел в море для проведения пуска "Булавы" в конце прошлой недели. Вчера подлодка вернулась на базу в Северодвинск. Пуск ракеты должен

был состояться в воскресенье, однако никаких официальных сообщений об этом не поступало. Отметим, что после удачных пусков ракет стратегического назначения Минобороны всегда сообщает об этом, а порой лично министр обороны Сергей Иванов перед телекамерами докладывает об успехах президенту Владимиру Путину. Источник Ъ в Главном штабе ВМФ сообщил, что после неудачного старта "Булавы" 25 октября (как раз в тот день происходило телевизионное общение президента Владимира Путина с народом) на распространение любой информации о ходе испытаний этой ракеты был наложен запрет.

Пресс-секретарь Федерального космического агентства (отвечает за создание "Булавы") Игорь Панарин вчера не подтвердил, но и не опроверг информацию о неудачном пуске ракеты. Он пообещал Ъ, что "комментарий агентства последует сразу же после официального заявления Минобороны". Однако военное ведомство никаких заявлений до вчерашнего вечера так и не сделало. Начальник управления информации и общественных связей Минобороны Сергей Рыбаков вчера заявил Ъ, что "не комментирует ситуацию" с пуском "Булавы". По словам замначальника пресс-службы Северного флота капитана II ранга Игоря Бабенко, ответственность за проводимые сейчас на флоте испытания ракеты "Булава" полностью лежит на разработчике — Московском институте теплотехники. "Военные не вправе комментировать все, что связано с испытаниями этой ракеты, до тех пор, пока она не будет передана флоту на вооружение", — пояснил Ъ Игорь Бабенко.

После того как в сентябре и октябре 2006 года пуски "Булавы" закончились авариями, программа испытаний была изменена. Если

осенние старты были произведены с борта находившегося в акватории Белого моря в подводном положении атомного ракетноносца "Дмитрий Донской", то 24 декабря пуск ракеты был произведен с находившегося в надводном положении "Дмитрия Донского". Однако и третий за последние четыре месяца пуск "Булавы", по сведениям Ъ, закончился провалом.

Напомним, что в 1997 году после трех подряд неудачных пусков модернизированной морской ядерной ракеты "Барк" Совет безопасности РФ принял решение о прекращении ее разработки в КБ имени Макеева. Было решено передать работы по созданию перспективной унифицированной морской ядерной ракеты Московскому институту теплотехники и подготовить ее производство на Воткинском заводе (Удмуртия). До этого МИТ разрабатывал баллистические ракеты наземного базирования для ракетных войск стратегического назначения.

По сообщению источника Ъ в Минобороны, сегодня к работе должна приступить межведомственная комиссия по расследованию причин неудачного пуска. При этом источник не исключил, что результаты работы комиссии могут быть рассмотрены на специальном заседании военно-промышленной комиссии под председательством вице-преьера и министра обороны Сергея Иванова. "Неудача ставит под удар выполнение госпрограммы вооружений, предусматривающей оснащение с 2007 года ракетами 'Булава' морских стратегических ядерных сил России", — пояснил источник.

...

(Перепечатано с разрешения редакции Коммерсантъ)

Максим Максимов

"Бьют своих и чужих не боятся"

(Город, № 12, 5 апреля 2004 г.)

В течение одной недели квартира следователя Главного следственного управления дважды была взломана, и оба раза -- сотрудниками милиции. Как ни странно, в обоих случаях прокуратура Центрального района не нашла в действиях милиционеров состава преступления и отказала в возбуждении уголовного дела. Однако следователь (назовем ее N, поскольку из соображений безопасности свое истинное имя она раскрывать не хочет) не согласилась с прокуратурой. На прошлой неделе Смольнинский федеральный суд Центрального района, рассмотрев жалобу N, признал постановление прокуратуры незаконным и необоснованным

Коллеги и разбойники

Вот какая картина вырисовывается из заявлений N. 19 февраля 2004 года, около половины первого ночи, в ее квартиру, выбив входную дверь, ворвались незнакомые ей мужчины. Один из них в ответ на вопрос следователя: "В чем дело?" -- направил ей в живот пистолет и приказал "заткнуться". Происходящее напоминало разбойное нападение. Лишь когда в квартире появился человек в милицейской форме, следователь поняла, что это не разбойники, а коллеги.

N предъявила свое служебное удостоверение, представилась, а заодно попросила представиться своих непрошенных гостей и поинтересовалась, на каком основании они проникли в ее жилище. Но в ответ услышала лишь нецензурную брань. Никаких документов ей никто не предъявил. А один из мужчин заявил, что "здесь работает зам. по УР Центрального РУВД Соловых", и если она будет продолжать возмущаться, то

поедет в 76-й отдел милиции. Следователь вновь потребовала покинуть ее жилье. Когда сотрудники уходили, один из них ударил хозяйку дома ногой в живот.

N увидела, как оперативники вломились в соседнюю квартиру, где снимает две комнаты чеченско-азербайджанское семейство, вывели оттуда на улицу людей без верхней одежды и увезли. Следователь тут же позвонила по 02. Правда, прибывший наряд милиции принять у нее заявление о незаконном проникновении в жилище отказался -- была составлена лишь сигнальная карточка с ее показаниями.

В тот же день N написала заявление на имя прокурора города с просьбой возбудить уголовное дело в отношении сотрудников милиции во главе с Соловых по факту незаконного проникновения в ее квартиру. Но пока она ждала результатов, история получила неожиданное продолжение.

Через шесть дней, 25 февраля, вернувшись домой в 21.30, следователь обнаружила, что замок вновь сломан, дверь в квартиру открыта, и там горит свет. От соседки она узнала, что на этот раз дверь в ее квартиру выбил пьяный участковый Шаповалов, который приходил час назад. Как рассказали соседи, участковый что-то искал в ее квартире и, обнаружив папку с документами, унес ее с собой. Заодно он зачем-то увел сестру и племянницу соседки.

Следователь позвонила по 02, где ей пообещали прислать наряд из 76-го отдела милиции. Когда же N сообщила, что именно сотрудник этого отдела взломал ее дверь, и попросила выслать наряд из другого подразделения, то дежурный вообще отказался принять заявку.

Если б N не была следователем, то, может, звонить и объясняться ей пришлось бы

долго. Но она сообщила о происшествии начальнику своего отдела, а затем связалась с ответственным от руководства Главного следственного управления.

...

(Перепечатано с разрешения Города)

Магомед Евлоев

"О ситуации в Республике Ингушетия"

(Дата оригинальной публикации неизвестна; статья перепечатана вебсайтом *Ингушетия* (www.ingushetia.org) 25 февраля 2009 года, после смерти Евлоева)

В последний период ситуация в Республике Ингушетия продолжает ухудшаться, что чревато социальным взрывом в обществе и серьезными негативными последствиями политического и экономического характера.

Ниже кратко изложены основные моменты, характеризующие обстановку в республике.

Из-за неумелой политики руководства Ингушетии, слабого внимания, уделяемого вопросам занятости и улучшения благосостояния населения, других просчетов и упущений, допускаемых на фоне невиданной коррупции в государственном аппарате и оторванности чиновников от нужд населения, авторитет местной и федеральной власти среди населения упал до самого низкого уровня.

Среди молодежи, особенно сельской, распространилось радикальное направление в Исламе – вахаббизм.

Большое количество молодых людей вступают в ряды ваххабитов при полном попустительстве местных и республиканских властей, не принимающих каких-либо конкретных мер противодействия этим явлениям. Так, в городе Карабулаке, станице

Орджоникидзевская и других населенных пунктах открыто действовали клубы, секции ваххабитов, которые планомерно вдалбливали молодежи чуждые традиционному Исламу нововведения.

В результате этого, стало возможным создание в лесах Ингушетии военных баз и палаточных лагерей чеченских боевиков, куда активно вливались жители Ингушетии, увлеченные идеями вахаббизма.

Эти группы и осуществили вооруженное нападение на силовые структуры и мирных граждан в ночь на 22 июня 2004 года.

Президент Ингушетии Мурат Зязиков не имеет никакого авторитета среди населения. Последние остатки уважения к нему, которые держались в народе из-за его поддержки со стороны президента России Владимира Путина, чем сам Зязиков часто и везде козыряет, пропали после событий в ночь на 22 июня 2004 года в Ингушетии и террористического акта, совершенного 1 сентября в г. Беслан Республики Северная Осетия-Алания.

Во время вооруженной акции боевиков в ночь с 21 на 22 июня 2004 года, Мурат Зязиков как руководитель субъекта, который подвергся нападению со стороны бандитских групп, не возглавил сопротивление боевикам, не руководил оперативным штабом, а куда-то исчез. Большинство жителей Ингушетии уверены, что он прятался в подвале дома у одного из своих родственников.

Особенно сильное недовольство народа вызвало поведение Зязикова во время теракта в Беслане. Старейшины ведущих тейпов Ингушетии, желавшие выехать в Беслан, в течение трех дней искали президента своей республики, который объявился только после

окончания штурма школы.

За короткий период нахождения у власти президент РИ Мурат Зязиков вступил в конфронтацию почти со всеми федеральными структурами: с председателем Верховного Суда, с министром внутренних дел, с прокурором республики, руководителем УФСБ РФ по РИ и представителями аппарата ЮФО. Всех этих людей Мурат Зязиков хочет заменить на своих, лояльных ему людей. Частично ему это удалось. В республике открыто идет торг за эти и другие должности.

Президенту Ингушетии удалось привести на должность прокурора республики своего родственника – бывшего первого заместителя прокурора Самарской области Махмуд-Али Калиматова, жена которого является родной сестрой супруги Мурата Зязикова.

...

Сегодня в Ингушетии практически нет такой должности, на которую людей назначали бы без уплаты определенной суммы (взятки) родному брату президента республики – Рашиду Магомедовичу Зязикову, который, занимая должность руководителя аппарата Правительства РИ, фактически руководит всеми министрами во главе с Премьером.

...

(Перепечатано с разрешения вебсайта Ингушетия)

Наталья Скрыль

"Очередное внеочередное"

(Новое время, № 15-16, 25 января 2002 г.)

Назначенное на 8 часов утра воскресенья, 20 января, собрание акционеров "Тагмета" прошло спокойно, по сценарию хозяев контрольного пакета. Разве что считающему собрание нелегитимным представителю "Альфа-Эко" слова так и не дали. Да еще

генеральный директор Сергей Бидаш обменялся с директором металлургического департамента "Альфа-Эко" Вадимом Кучариным репликами на тему: "Мы вас уважаем, а вы нас нет". Голосование показало, что блокирующий пакет акций "Альфы" не увеличился: в новом составе директоров остался прежний баланс сил.

Вместо подавшего в отставку месяц назад Владимира Вербы председателем совета директоров утвержден Николай Орлов, генеральный директор ОАО "Приазовский фондовый центр". Так что собрание благополучно зафиксировало "статус-кво". Вот только усиленная охрана на входе намекала на некие возможные обстоятельства. Со второй половины пятницы ребята с оружием никого не пускали в здание, в конференц-зале которого должно было проходить собрание. В раннее воскресное утро посторонним посчитали даже судебного пристава с предписанием об отмене собрания.

Основные события, завершившиеся отставкой председателя совета директоров, развернулись в декабре. История почти детективная.

Первое собрание совета директоров проходит вечером 21 декабря по инициативе компании "Джноу Пропертиз Лимитед", считающейся сторонницей "Альфы". На повестке дня – созыв собрания акционеров для переизбрания совета директоров. Дело в том, что представитель "Джноу" на "Тагмете" - г-н Казаков был делегирован от Ростовской области в Совет Федерации и потому подал заявление об отставке. Для его замены нужно решение собрания. Кроме того, "Альфа" требовала заслушать отчет о положении дел на заводе. До позднего вечера директора обсуждали вопрос, где и когда проводить собрание - в Таганроге или Москве. По версии

Бидаша, в итоге проголосовали за Таганрог. "Альфа" же утверждает, что договориться не удалось, и Владимир Верба 26 декабря подписал соответствующий протокол. Отчет генерального директора заслушать не успели и назначили новое заседание на 27-е.

В тот же день, 21-го, Таганрогский суд выносит решение, важное для дальнейшего развития событий. Еще в апреле прошлого года на одном из собраний акционеров по инициативе "Альфы" была принята новая редакция устава, обязывающая совет директоров все принципиальные решения утверждать как минимум 10 голосами из 11. Некий акционер посчитал свои права нарушенными. Суд признал правоту истца.

То, что происходит дальше, Вадим Кучарин называет "областью домыслов".

26 декабря Владимир Верба подписывает документ об отмене предстоящего заседания совета директоров и затем подает в отставку. Протокол от 21-го якобы переписывается. Причину отставки председателя обе стороны объясняют по-своему. Вадим Кучарин ссылается на "косвенные слухи" и говорит о давлении на г-на Вербу, которое оказал "главный акционер". С 27 декабря Вадим Сергеевич не может связаться с экс-председателем.

Считающийся сторонником Сергея Бидаша новый председатель Николай Орлов выдвигает другую версию: Владимир Верба устал искать компромисс между враждующими сторонами. Новый председатель не раз после 27 декабря по телефону общался со своим предшественником, а потому версия "Альфы" об угрозах и последующем исчезновении несостоятельна. Сергей Бидаш поддержал Николая Орлова: "С моей стороны никакого давления не было. Более того, ни накануне,

ни в день отставки я с Владимиром Вербой не встречался. Мне принесли заявление о его отставке. Я предложил объясниться. Но он не стал мне ничего объяснять и уехал в банк."

Надо сказать, что управляющий местным филиалом банка "Петровский" Владимир Верба распоряжается порядка 16 процентами акций "Тагмета", и любая из сторон не может не испытывать искушения хотя бы попытаться привлечь его на свою сторону. О методах же работы с экс-председателем можно только догадываться. Кроме того, Вадим Кучарин, говоря о "главном акционере", мог иметь в виду вовсе не г-на Бидаша, а, например, группу "Алфавит", которую некоторые источники называют настоящим хозяином контрольного пакета "Тагмета".

...

(Перепечатано с разрешения Нового времени)

Вагиф Кочетков

"Протек": благодетель, которого нам навязали"

(Молодой коммунар, № 76, 17 июня 2005 г.)

Врачи советуют малообеспеченным больным самостоятельно запастись лекарственными травами - благо погоды стоят хорошие. Уповать на государство, гарантирующее льготникам бесплатные лекарства, тулякам не советуют. Совладать с несуразностью злосчастного 122-го закона и примкнувшими к нему коммерческими посредниками не может даже губернское правительство.

"Крыша" для закрытого общества

Впрочем, на нашем рынке работает всего один "благодетель", на которого возложена обязанность обеспечивать лекарствами граждан, имеющих право на государственную социальную помощь: закрытое акционерное

общество "Центр внедрения "Протек". Московский "Протек" появился в Тульской области не просто так. Его навязало нам Правительство Российской Федерации. В кулуарах тульского "белого дома" давно ходят слухи об особых отношениях сей коммерческой структуры с самим министром здравоохранения и социального развития РФ Михаилом Зурабовым. Видимо, поэтому в предыдущей областной администрации не нашлось чиновника, который встал бы на защиту интересов региональных льготников. Как это сделали "слуги народа", например, в Москве, Петербурге, Свердловской области... А вот в Тульской губернии "Центр внедрения" фактически монополизировал рынок льготных лекарств: Коммерсанты от фармации уже пять месяцев диктуют свои условия, навязывают кабальные договоры аптекам и больницам.

...

Сплошные убытки

Впору прослезиться, но не по этому поводу. Вот что говорят те, кто находится на передовой реализации 122-го закона – главные врачи больниц и заведующие аптеками, которым "посчастливилось" стать партнерами "Протека".

- Мы несем сплошные убытки, - говорит заведующая центральной районной аптекой Богородицка Е. Кошарь. - Навязанный нам договор с фирмой "Протек" для нас невыгоден. Мы им предоставили помещения, прикрепили наших специалистов, которые выполняют дополнительную работу, не получая вознаграждения. Не оплачено даже то, что было отпущено из наших запасов.

Тут необходимо пояснение. Дело в том, что согласно 122-му закону льготные рецепты теперь выписываются по новой схеме и в соответствии с утвержденным

правительством перечнем лекарственных средств. В последнем значится две тысячи наименований препаратов. У каждого свой код. Уполномоченная правительством РФ компания, по идее, должна сама контролировать процесс выписки рецепта, его обслуживание в аптеке и оплату Фондом обязательного медицинского страхования. В Туле же этим занимается персонал лечебных и фармацевтических учреждений. Бесплатно. А между тем, соответствующие ставки у "Протека" имеются.

- Сотрудники увольняются, - разводит руками генеральный директор ГУП "Щекинская ЦРА №87" Л. Каширина. - Аптека несет убытки. Руководители "Протека" вводят всех в заблуждение. В Щекино до последнего надеялись на разумные отношения с этой фирмой, но договор носит кабальный характер. Так называемые партнеры даже не хотят нас слушать.

...

(Перепечатано с разрешения Молодого коммунара)

Валерий Иванов
(под псевдонимом Гамлет Оганесьянц)
"Как это было"

(Тольяттинское обозрение, апрель 2000 г.)

...

Как ни странно, гораздо труднее, чем бандитам, оказалось объяснить представителям правоохранительных органов, что свобода слова — это не просто декларация Конституции, а реалии тольяттинской жизни. Для того чтобы это доказать, нам пришлось пройти через уголовное дело, которое органы возбудили после публикации одной из статей. Тогда органами ФСБ инкриминировалось якобы имеющее место разглашение государственной тайны.

Это произошло весной 99-й года. К тому времени мы стали довольно-таки сильными. У нас было доверие людей, мы запустили к этому времени приложение к "ТО" - "Тольяттинское обозрение в каждый дом". Мы уже могли реально влиять на общественное мнение. Надвигались выборы. Будучи совершенно неподконтрольными никому, мы вызывали реальные опасения у многих влиятельных политиков. Потому что никто не мог предположить, как мы будем себя вести во время предстоящих выборов. Я полагаю, что именно поэтому возникло и какое-то время существовало это уголовное дело. Итак, у нас в городе сгорел отдел наружного наблюдения тольяттинской милиции. О чем мы и написали в небольшом репортаже с места происшествия. Нам показалось странным, что тольяттинская "наружка" сгорела чуть ли не сразу после трагического пожара в Самарском УВД. И что при этом, так же как и в Самаре, сгорели все документы. Нам было очевидно, что все это связано с какими-то коррупционными делами — и кто-то замечает следы, сжигая эти документы. И если после пожара в Самаре, где погибло огромное количество людей, власти сказали, что это всего лишь случайность, то в одну случайность еще как-то можно было поверить. Но когда за одной случайностью следует другая, то это уже звучит не очень правдоподобно. Мы связали это в одну цепочку и опубликовали. Многих это взбесило.

Ели бы мы не написали об этом пожаре, никто бы ничего так и не узнал. После нашей публикации начались проверки из МВД, и потом нам рассказывали, что приезжавший в Тольятти министр внутренних дел ругался и кричал: "Закреть эту газету!" Видимо, кто-то принял приказ к исполнению. На газету было возбуждено уголовное дело за то, что мы якобы разгласили государственную тайну. Вот тут мы столкнулись с машиной ФСБ и

вышли из этого столкновения с глубоким уважением к этой структуре. Поскольку ФСБ все последнее время находилась в тени, то мы не предполагали, что они сохранили прежние навыки. Но когда нас стали таскать на допросы и когда мы узнали, что фактически за сотрудниками редакции идет круглосуточная слежка (эфэсбэшники это особенно, как нам кажется, и не скрывали, а наоборот, подчеркивали), когда совершенно реальной оказалась перспектива тюремного заключения, когда мы увидели, как целенаправленно и планомерно вытаскивались на свет наши связи, когда нас опрашивали о взаимоотношениях всех родственников чуть ли не с 17-го года и требовали назвать источники информации, - мы поняли, что работать там пока еще умеют.

Причем я думаю, что рядовые сотрудники ФСБ и не знали, что выполняют чей-то политический заказ: работали серьезно. За что только? Если бы все это делалось по отношению к преступникам, то следовало бы сказать спасибо, но все это касалось газеты, которая не совершала никаких преступлений, а просто пыталась честно информировать своих читателей о том, что происходит в их городе.

Однако, невзирая на мощное давление, ни один сотрудник "ТО" не сдал источники информации, более того, мы подняли такой шум...

Мы привлекли фракции Госдумы на свою сторону, областные, центральные СМИ, которые заинтересовались этим делом и пришли к нам на помощь. Мы провели собственное расследование деятельности чиновников ФСБ, результаты которого, вполне возможно, могли повлечь за собой громкий скандал...

В результате прокуратура области признала, что состава преступления в этом деле нет, и его прекратили. Так мы в очередной раз отстаивали свободу слова — право горожан на получение правдивой информации. Что, впрочем, нам придется делать еще не раз.

(Перепечатано с разрешения Тольяттинского обозрения)

Алексей Сидоров

"Черное золото бандитов и чиновников"

(Тольяттинское обозрение, 20 декабря 2001 г.)

Начнем с того, что в Тольятти централизованная закупка ГСМ для муниципального транспорта отсутствует. Мэрия, департамент здравоохранения, департамент ЖКХ, транспортное управление, городская дума – все имеют свой автопарк или подведомственные автохозяйства. И все покупают топливо отдельно, у разных поставщиков, за разную цену. Естественно, что подобная ситуация дает почву для всевозможных злоупотреблений со стороны чиновников и директоров муниципальных автохозяйств. При этом закупаемое горючее обычно стоит дороже средней его стоимости на городских АЗС. Один "лишний" рубль, заплаченный бюджетом за литр бензина, может принести коммерсанту многомиллионный доход. Естественно, что бизнесмен поделится этими доходами с человеком, от которого зависит подписание контракта.

Так, за 1 квартал 2001 года крупнейшее в городе пассажирское автотранспортное предприятие АТП-1 покупало 76-й бензин по 7 руб. 30 коп. То есть один литр бензинчика обходился для АТП-1 на рубль дороже, чем всем остальным горожанам. В результате подобной "щедрости" АТП-1 не досчиталось

9,8 млн. рублей. Зато после ревизии, устроенной финансовым управлением мэрии, произошло чудо. Стоимость литра бензина снизилась на два рубля. Попутно заметим, что получение и выдачей ГСМ на том АТП заведует сын его директора. Папа покупает, а сын разливает. Ревизия выявила массу нарушения правил хранения и выдачи горючего. Такую массу, что отцу пришлось сделать сыну замечание. Официально.

Заплатил проезд - заплатил бандиту?

То, что ОПГ контролируют "бензиновый бизнес" муниципальных организаций, ни для кого не секрет. В теории знакомство некоторых руководителей АТП с бандитами происходит следующим образом. Заключается контракт через подконтрольные ОПГ фирмы. А потом, если другие предлагали более выгодные контракты на поставку ГСМ и запчастей, от предложения отказывались. А если директор АТП решался разорвать "трудовые" отношения с группировкой, то очень скоро он попадал на больничную койку.

8 февраля 2000 года было совершено нападение на директора АТП-2 Николая Коняева. Неизвестные избили его железными прутьями прямо на лестничной площадке дома. По версии следствия, он решил отказаться от услуг фирмы, поставлявшей автотранспортному предприятию ГСМ и запчасти.

22 ноября 2001 года было совершено покушение на начальника отдела альтернативных перевозок транспортного управления мэрии Александра Чурсина. По нашим данным, основная версия этого нападения, рассматриваемая сегодня следствием, связана с исполнением Чурсиным своих служебных обязанностей. Дело в том, что альтернативные перевозки по большей части контролировались городскими ОПГ. Мэрия до последнего времени никак не

занималась вопросами регулирования этих перевозок. Как результат, альтернативщики практически не платили налогов, не выдавали пассажирам билетов (соответственно, имели нигде не учтенную выручку), и вообще, никаких доходов городской казне не приносили. Но в тоже время в их распоряжении оказались самые загруженные, а значит, прибыльные транспортные маршруты. В то время, как количество муниципальных автобусов на этих линиях подозрительно сокращалось. Мэрия решила навести порядок, что и было поручено сделать Чурсину. Но как только он начал готовить реформу, тут же появились неизвестные с прутьями.

Эти случаи не являются единственными.

...

(Перепечатано с разрешения Тольяттинского обозрения)

Игорь Домников

"Липецк очнулся: весь в экономическом чуде"

(Новая газета, №7, 21 февраля 2000 г.)

...

Мы, между прочим, коснулись самой нелюбимой мною фамилии в среде придворных комсомольцев - Доровской, зам. по экономике: когда едешь по области и видишь что-то гадкое, можешь не спрашивать, кто распорядился.

Особенно я невзлюбил Доровского после истории с двумя убитыми машиной женщинами... Стоп, дело полузакрыто, молчу. Я хотел сказать, что не полюбил его, когда узнал, как бессовестно он, бывший комсомолец и банкир, обращается с 70-летней тещей, подтверждая самые мрачные народные анекдоты на эту тему.

Представьте, старуху заставил открыть

круглосуточный придорожный магазин на трассе Москва - Воронеж и продавать там водку, которую теперь выпускают в Липецке страшное количество и, как говорят, много пускают налево. В том числе на трассу Москва - Воронеж. (А будет еще больше. Сейчас Доровской пытается подарить, пардон, продать за миллион рублей громадный завод "Эльта", выпускавший кинескопы, директору разливного завода под стеклотару. Учитывая, что этот директор - сам Тюрин, криминальный авторитет и один из водочных королей страны, думаю, у них получится.)

И, надеюсь, не подведу добрую женщину, если сообщу, что она написала все же доверенность на какого-то Саввина. Ей, понятно, тяжело управлять и магазином, учитывая, что у нее еще и ферма на 380 га.

Так вот, нужно признать, что и могучий Доровской иногда совершает какие-то детские ошибки. А его не наказывают и даже не выделяют отдельной строкой. К примеру, разрешил хладокомбинату "в порядке исключения" с мая по сентябрь "в целях улучшения обслуживания покупателей... при торговле мороженым и сопутствующими товарами в киосках ОАО..." торговать без кассовых машин. Мало-мальски понимающий в российской торговле человек поднимет тут брови, расстегнет верхнюю пуговицу рубашки и скажет, помолчав: "Ну, лихой мужик. Не иначе будет старостой в камере". И совсем руками разведет, когда узнает, что

это постановление, к тому же еще и подложное зафиксировано под номером другого (кстати, о взаимозачетах). Но мы успокоим этого скептика: ничего с Доровским не случится. Поверьте, были у него дела и покруче, ошибки и повзрослее, а он все еще на свободе.

Хотелось бы, к слову, скорчить кляузную морду и потребовать у Генпрокуратуры помочь липецким коллегам наказать Доровского за вступление в слишком интимную связь с липецким мороженым, да что-то не очень верится, что поможет.

К сожалению, не хватает у меня способностей человеческим языком рассказать о размахе взаимозачетов в области. Вся эта несъедобная мешанина цифр, распоряжений и фамилий - это не для газеты. Этим можно стены цементировать.

Система в сущности простая. Деньги есть, но налог предприятия не платят, а вместо него или гонят свой же товар, или какие-нибудь сельхозпродукты, купленные по странным ценам, и т.д. Иногда просто в лоб: бюджет зачитывает всю сумму долга, хотя сдано гораздо меньше. Мало интересного копать в этой каше; скажу, что треть липчан не платят коммунальные платежи - у них совсем нет денег, а заводские администрации закупают в больших количествах мебель, видео-, аудио-, кинокамеры и т. д.

(Перепечатано с разрешения Новой газеты)

Ключевые статистические данные, подготовленные Комитетом по защите журналистов

Статистика гибели журналистов с 1992 г.

КЗЖ начал сбор подробных данных о гибели журналистов в 1992 г. Статистика КЗЖ учитывает только те случаи, в которых мы можем с достаточной степенью уверенности сказать, что журналист был убит непосредственно в отместку за свою профессиональную деятельность, в перестрелке или при выполнении опасного задания. КЗЖ не отражает в статистике смерть в результате несчастного случая, например в авиа- или автомобильной катастрофе. Ниже приводится список из 10 самых опасных для журналистов стран с 1992 г.

1. ИРАК

Число погибших журналистов: 139 (89 из них убиты)

2. АЛЖИР

Число погибших журналистов: 60 (58 убийств)

3. РОССИЯ

Число погибших журналистов: 50 (30 убийств)

4. КОЛУМБИЯ

Число погибших журналистов: 41 (38 убийств)

5. ФИЛИППИНЫ

Число погибших журналистов: 35 (33 убийства)

6. СОМАЛИ

Число погибших журналистов: 29 (19 убийств)

7. ИНДИЯ

Число погибших журналистов: 26 (16 убийств)

8. ПАКИСТАН

Число погибших журналистов: 21 (13 убийств)

9. БОСНИЯ

Число погибших журналистов: 19 (2 убийства)

ТУРЦИЯ

Число погибших журналистов: 19 (17 убийств)

Статистика гибели журналистов с 2000 г.

Ниже приводится список из 10 самых опасных для журналистов стран за это десятилетие:

1. ИРАК

Число погибших журналистов: 139 (89 из них убиты)

2. ФИЛИППИНЫ

Число погибших журналистов: 29 (27 убийств)

3. РОССИЯ

Число погибших журналистов: 20 (17 убийств)

СОМАЛИ

Число погибших журналистов: 20 (10 убийств)

5. ПАКИСТАН

Число погибших журналистов: 19 (12 убийств)

6. КОЛУМБИЯ

Число погибших журналистов: 18 (16 убийств)

7. АФГАНИСТАН

Число погибших журналистов: 16 (12 убийств)

ШРИ-ЛАНКА

Число погибших журналистов: 16 (10 убийств)

9. ИНДИЯ

Число погибших журналистов: 11 (7 убийств)

10. МЕКСИКА

Число погибших журналистов: 10 (10 убийств)

Индекс безнаказанности КЗЖ

В "Индексе безнаказанности", выпускаемом КЗЖ второй год подряд, рассчитывается процентное соотношение числа нераскрытых убийств журналистов к численности населения страны. КЗЖ проанализировал ситуацию во всех странах мира на протяжении последнего десятилетия. В список вошли только те страны, в которых нераскрытыми остаются пять или более убийств.

1. ИРАК

Рейтинг по индексу безнаказанности: 2.983 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

2. СЬЕРРА-ЛЕОНЕ

Рейтинг по индексу безнаказанности: 1.552 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

3. СОМАЛИ

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.690 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

4. ШРИ-ЛАНКА

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.452 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

5. КОЛУМБИЯ

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.347 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

6. ФИЛИППИНЫ

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.273 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

7. АФГАНИСТАН

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.248 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

8. НЕПАЛ

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.178 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

9. РОССИЯ

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.106 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

10. ПАКИСТАН

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.062 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

11. МЕКСИКА

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.057 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

12. БАНГЛАДЕШ

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.044 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

13. БРАЗИЛИЯ

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.026 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

14. ИНДИЯ

Рейтинг по индексу безнаказанности: 0.006 нераскрытых убийств журналистов на миллион жителей.

Комитет по защите журналистов

330 7-я авеню, 11 этаж

Нью-Йорк, НЙ 10001

США

www.cpj.org/ru